
91/2 135
ОГОНЁК
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ТАК ЗАВЕРШИЛСЯ МИНУВШИЙ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ГОД

Л. И. Брежнев:

«Выращен самый высокий урожай зерновых за всю историю земледелия нашей страны. Среди союзных республик наибольший вклад в хлебные ресурсы страны внесли земледельцы Российской Федерации, Казахстана и Украины».

О ЗЕМЛЕ, О ХЛЕБЕ, О НОВОЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 6 (2275)

6 ФЕВРАЛЯ 1971

Фото А. Гостева.

ВЕСНЕ

И. М. СЕМЕНОВ,
председатель колхоза «Новая жизнь», Тульской области, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, заместитель председателя союзного Совета колхозов

Поле, русское поле... Оно сейчас под снегом, оно спит, но и сегодня, как и всегда, каждодневно и всечасно, мои мысли о нем, о поле. Жизнь хлебороба только внешне однообразна. Как дыхание озими под снегом, как течение реки подо льдом, так жива во всякую погоду, полна драматизма не видимая посторонним работа души и мысли земледельца под оболочкой наружной невозмутимости. Казалось бы, мы живем от урожая до урожая. Отмолотился до снега—и зимуй, жди новой весны. Где слаб, там техника в помощь, где прозевал — на погоду свали... Нет, не так это все, конечно. В наше время сельскохозяйственный год не кончается к «покрову», он представляет собою единый производственный цикл.

И все же зимою, естественно, больше времени

ДРУЖЕСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

По приглашению ЦК КПСС и Советского правительства 1 февраля в Москву с официальным визитом прибыла партийно-правительственная делегация Сирийской Арабской Республики во главе с премьер-министром, министром обороны, членом временного регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) генералом армии Хафезом Асадом.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами САР и Советского Союза, делегацию встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаков, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко и другие.

В Кремле состоялись переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и партийно-правительственной делегацией Сирийской Арабской Республики, возглавляемой премьер-министром, министром обороны и членом временного регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) Хафезом Асадом.

В ходе переговоров, которые проходили в обстановке дружбы и откровенности, состоялся плодотворный обмен мнениями по вопросам расширения и укрепления советско-сирийского сотрудничества в политической, экономической и других областях, а также по важным международным проблемам, представляющим взаимный интерес. Всестороннему обсуждению были подвергнуты вопросы, связанные с положением на Ближнем Востоке.

2 февраля Хафез Асад был принят Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

На снимке: Москва. Кремль. 1 февраля 1971 года. Перед началом переговоров.

Фото А. Устинова.

для раздумий о земле, о хлебе, о себе, хлеборобе, о новой весне. Тем более что мы прожили год необычный, сотый год со дня рождения В. И. Ленина. А сейчас все ближе день открытия XXIV съезда нашей партии, съезда, на котором пойдет разговор о пятилетнем плане. Так что самое время для анализа всего достигнутого и по тем или иным причинам не реализованного. Короче, все это требует сосредоточенности, душевного покоя. И вот тогда-то идешь в поле, на ветреный и морозный простор, с милыми сердцу далями, где всему вольно: и речке Солове, и яснополянской Засеке, и скирдам, и полям с хлебом будущего года.

Так вот главный итог: год минувший был удачным. Его особенность в том, что все большую власть обретает человек над природой. Поясню свою мысль. Год на год не приходится, и все мы, хлеборобы, ходим, работаем под открытым небом, от него и зависим. Зависим, но все меньше и меньше — вот в чем ощутимая новизна у нас. У нас теперь есть что противопоставить и обедненному подзолу, и бездождью, и, наоборот, слишком уж дождливой осени: знание жизни поля и растений, удобрения, мощная техника, мелиорация. Посудите сами, наш колхоз уже второй год подряд собирает с гектара больше сорока центнеров зерна. Много это или мало? Не будем сравнивать нынешние урожаи с урожаем довоенным или двадцатилетней давности, тем более с крохами, которые получали до революции мужики на истощенных тульских землях (об этом лучшие свидетельства в произведениях И. С. Тургенева и земляка нашего Л. Н. Толстого). Нет, возьмем совсем неплохой 1966 год. Урожай зерновых тогда, в начале минувшей пятилетки, составил почти 24 центнера. Мы радовались ему. Да и как было не радоваться, коли живы еще люди, которые помнят, что на здешних полях собирали зерна сам-два, сам-три... А нынче (в 1969 и 1970 годах) намолачиваем более чем по 250 пудов!

Да, урожай высок, но это вовсе не потолок даже в нашей нечерноземной зоне. Главное, надо все силы, все умение, энергию приложить теперь к тому, чтобы урожаи в 30—40 центнеров стали обычными и, что особенно важно, устойчивыми во всех хозяйствах, чтобы сбор зерна по возможности не зависел от погодных условий. Таким образом, забота о земле, совершенствование технологии производства злаковых и на будущее остаются главными заботами хлеборобов, я думаю, и на Украине, и в Казахстане, и в Прибалтике, и на Севере, и у нас, в серединной России.

Не могу не напомнить об известном источнике успехов в нашем огромном зерновом хозяйстве. Это решения мартовского (1965 год) Пленума ЦК КПСС, подготовленные всем ходом развития общественной жизни в стране. Реально повысилась оплата за труд в колхозе. Стали твердыми планы продажи хлеба государству. Наш колхоз получил план-заказ: продавать ежегодно в течение пятилетки по 250 тонн зерна. Твердая цифра развязала нам руки, она стимулировала экономическую и агрономическую деятельность колхозников и правления колхоза. Каков же результат? План оставался один и тот же, а фактически мы выращивали и продавали хлеба с каждым годом все больше и наконец в прошлом, юбилейном, году продали государству зерна в 6 раз больше плана! А ведь как страшился кое-кто реформы в заготовках, каким недоверием к колхозникам дышали «предсказывания», что якобы не будут колхозы стремиться перевыполнять заказ...

Что касается химии, то мы в конце пятилетки получили возможность внести удобрений в 5 раз больше, чем в начале.

Далее. Помогло лучшее снабжение техникой. За пятилетку мы прикупили шесть комбайнов и пятнадцать тракторов, то есть этих главных машин у нас стало вдвое больше, а это значит, что заметно сократились сроки пахоты и уборки, уменьшились потери. Но тут я должен остановиться на проблеме дальнейшего технического оснащения колхозов. Положение тревожное, об этом я писал еще осенью в «Правде», но не могу не повториться. На июльском (1970 год) Пленуме ЦК КПСС, который поставил задачу технического перевооружения колхозов и совхозов, подчеркивалось, что оснащение колхозов и совхозов современной техникой — решающий фактор повышения производительности труда в деревне. Не секрет, что многие хозяйства сейчас еще не имеют возможности справляться с полевыми работами в оптимальные сроки, определенные опытом, агрономией и технологией. Нередко имеющиеся машины работают неэффективно, их конструкция — вчерашний день, а качество таково, что они не выдерживают даже гарантийных сроков работы. Взять комбайн «СК-4». Он был терпим даже еще при стопудовом урожае, но сегодня это настоящий тормоз в развитии колхозной экономики. Этот комбайн не в состоянии одолеть высокоурожайное поле, особенно в нашей зоне. Отсюда невосполнимые потери зерна, убытки, огромный ущерб.

Такие люди, как наши колхозники, как наши механизаторы Дмитрий Козеев, Анатолий Смирнов, бригадир с тридцатилетним стажем Дмитрий Кочетов, чемпион страны, лучший наш пахарь Алексей Новиков, бригадир, Герой Социалистического Труда Николай Бочаров и другие,— такие люди достойны иной техники. Думаю, что разговор о развитии нашего сельскохозяйственного машиностроения пойдет и на предстоящем съезде партии. Скажу так: нужны принципиально новые машины (мы до сих пор убираем картофель вручную!). Нужны не отжившие свой век «СК-4», а самоходные шасси и комбайны уже предложенных конструкций «Нива» и «Колос».

И еще. Сейчас очень многое зависит от сознания колхозников, от того, как они относятся к земле, к своей роли в хозяйственной и общественно-политической жизни государства, наконец, к самим себе. А это связано с воспитанием чувства хозяина. Тот, кто утратил это чувство, тот относится и к делу, и к полю, и к судьбе села безответственно, безучастно. Например, в таком хозяйстве, как наше, только основных средств производства на три с лишним миллиона рублей!

У нас таких равнодушных людей к делам колхоза нет. Каждый радеет о гектаре общей земли. А возможности этого тульского гектара огромны. Мы убедились в этом, получив от каждого гектара в прошлом году более 700 рублей дохода. Каждый человек вносит в общее, артельное дело свою лепту труда, способностей, воли — в этом смысл ленинского плана кооперирования. Так вот в среднем на трудоспособного в 1970 году получено более пяти тысяч рублей дохода. По-моему, очень хорошая цифра.

Одна из главных задач — новые сорта культур и организация сортообмена. Тут слово за селекционерами. Да, мы отказались от старых, низкоурожайных сортов. А что сеем? Пшеницу «мироновскую», выведенную на юге и, по-видимому, для юга! Пока нет озимой пшеницы для нечерноземной России. Бывает, что отличные южные сорта у нас вымерзают — до 40 процентов! Но и пересеять их нечем — нет новых яровых пшениц для нашей полосы. А рожь? Где рожь-кормилица? Рожь — это наш тульский конек, наша гордость, наша палочка-выручалочка. И валюта, потому что нигде нет хлеба лучше, чем русская рожь!

Наша колхозная пятилетка — это урожай не менее 43—45 центнеров зерна с гектара. В любой год. Наша пятилетка — это надой от каждой коровы до 4 тысяч килограммов, чтобы получить по 100 тонн молока на 100 гектаров угодий. По тонне молока с гектара! И мы добьемся такого. А мяса записали получать не менее 150—160 центнеров на 100 гектаров.

Вот такие наши планы. Они вполне реальны, потому что хозяйство в минувшую пятилетку сделало мощный экономический бросок вперед. У нас теперь и опыт есть, а желание помочь городу, стране огромно и единодушно. Все усилия наши, все помыслы — на то, чтобы поднимать плодородие пашен и сенокосов. Без города, без науки этого не сделать. Мы, со своей стороны, готовы всячески способствовать, я бы сказал, вторжению науки в производственную жизнь деревни — на поля и фермы. Именно наука сегодня определяет мощь производства, экономики. С наукой, с решительным изменением характера повседневного труда в поле и на ферме связана еще и такая жизненно важная проблема, как трудоустройство сельской молодежи. Надо молодежь увлечь работой и жизнью в деревне. Чем? Только делом, современным производством, новейшей техникой и совершенной технологией. Видите, как все тут связано: и социальное лицо села, и судьба человека, и судьба поля...

Вот, пожалуй, и все, если коротко изложить смысл сегодняшних раздумий на меже зимнего поля. Они и зимой под снегом дышат, хлебные растения. Спит поле до весны, до нового тепла. А проснется — прибавится хлопот у хлеборобов. В этом их доля, их счастье. В этом и моя жизнь.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА М. В. КЕЛДЫША

ЖИЗНЬ УЧЕНОГО

«В советском обществе наука с самого начала играет двоякую, одинаково важную роль: наряду с тем, что различные отрасли науки в той или иной мере обеспечивают развитие материально-технической базы общества, науке принадлежит большая роль в формировании мировоззрения. В Советском Союзе придается огромное значение науке не только как источнику технического прогресса, но и как фактору, влияющему на развитие мировоззрения, основой которого у нас является марксистско-ленинская теория».

Это краткое философское определение сущности нашей советской науки принадлежит академику Мстиславу Всеволодовичу Келдышу.

Во все времена долгой истории человечества стремление познать мир рождало выдающихся людей науки, в жизни и труде которых с наибольшей полнотой находили свое воплощение современность и прозорливость научного предвидения на многие десятилетия вперед.

Коммунист-ученый Мстислав Всеволодович Келдыш — современник советской эпохи. Он принадлежит к тому, теперь уже старшему, поколению, которое росло и мужало вместе с Советской страной, разделяя ее славную и трудную судьбу.

— Что же я могу рассказать о себе? Родился в Риге, в семье инженера-строителя, был пятым среди семерых детей... Школьные годы прошли в Иванове. Потом стал студентом физико-математического факультета Московского университета. Почему выбрал математику? Трудно сказать... Вероятно, начал понимать, что математика не сухая наука, что она основа всех естественных наук. После университета работал в Центральном аэрогидродинамическом институте, одновременно учился в докторантуре математического института имени В. А. Стеклова. В ЦАГИ занимался исследованиями в области аэрогидродинамики, работал там вместе с Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым, ныне руководителем Сибирского отделения Академии наук... Независимо от этих исследований, носивших практический характер, продолжал работать в области математики...

Так, сжато и коротко, с присущей ему обаятельной скромностью рассказывал Мстислав Всеволодович о начале своего пути в науку. Недавно, накануне 60-летия ученого, мы побывали у него. Старинное московское здание на Ленинском проспекте встретило нас тишиной. Высокие дворцовые залы, мраморные бюсты великих людей науки прошлого — все это, бережно сохраненное, вызывало странное чувство отрешенности от времени, казалось, будто его бурный ход не имел здесь значения.

Но как же было обманчиво это первое впечатление! Едва мы переступили порог большого зала, служащего приемной перед служебным кабинетом Президента Академии наук Советского Союза, ощущение значительности и весомости каждой минуты захватило и уже не оставляло нас. Звучала приглушенная иностранная речь — это делегация ученых, прибывшая из-за рубежа, готовилась к встрече с руководителем крупнейшего в мире научного центра. Группа молодых ученых одной из среднеазиатских республик, тоже негромко, но оттого не менее горячо и взволнованно, что-то обсуждала, шелестели наскоро перелистываемые страницы... Подумалось, что ведь именно здесь, в этом старинном московском здании, повседневно, год за годом осуществляется направляющая, координирующая деятельность всего широчайшего фронта современной советской науки в условиях стремительной научно-технической революции.

Во главе этой повседневной деятельности вот уже десятилетие стоит президент Академии наук СССР Мстислав Всеволодович Келдыш. Нам говорили ученые, что отличительная черта президента, неизменно проявляющаяся при обсуждении ли научных планов, или важнейших научных проблем,— поразительное умение находить в обилии информации самое существенное, актуальное, главное, то, чем следует немедленно, в первую очередь заняться, что следует развить и как именно развить для быстрейшего **практического** использования.

...Он сам служит генератором волнения, инициатором преобразований и начинаний, направленных на повышение активности во всех органах того живого организма, которым является советская наука,— говорит о президенте выдающийся физик, академик Л. А. Арцимович.

...Для научного стиля М. В. Келдыша всегда характерен многосторонний подход к проблеме, стремление осуществлять развитие науки и техники в тесной связи друг с другом,— говорит известный ученый в области механики космического полета, член-корреспондент Академии наук СССР Дмитрий Евгеньевич Охоцимский.

Недолгой была в тот день наша встреча с академиком Мстиславом Всеволодовичем Келдышем. Немногое он рассказал о себе. Назвал три-четыре свои работы в области теории математики, которыми, пожалуй, доволен больше других.

— Связь с практикой? Да, разумеется, они имеют практическое значение...

Назвал своих учеников и последователей, ставших ныне крупными учеными, сказал, что гордится ими, их интересными научными исследованиями и взглядами на роль науки в наши дни.

Сказал еще, что, кажется, не заметил, как прошли годы и годы, с тех пор как молодым инженером-ученым начал работать в ЦАГИ.

И больше о себе — ни слова. Остальное, что позволило нам полнее представить себе образ выдающегося ученого-коммуниста, мы услышали от других, от коллег Мстислава Всеволодовича Келдыша по многолетней совместной работе и от молодых его сотрудников по Институту прикладной математики, которым академик руководит и который занимается практическим приложением математических исследований к физике и механике, к различным их проблемам.

Было сказано об ученом много очень значительного, емкого, в тоне глубочайшего уважения к его жизни и даже удивления перед тем, сколько может сделать человек, сколько может принести науке, преобразующей мир.

Ему было немногим более двадцати лет, когда он в ЦАГИ выполнил ряд блестящих теоретических исследований. Развивающаяся авиация уже тогда была многим обязана молодому ученому: на основе его исследований были, в частности, осуществлены простые конструктивные решения по устранению опасных явлений флаттера и шимми.

Шли годы. Продолжалась громадная исследовательская работа ученого, неизменно связанная с насущными интересами страны, с развитием научно-технического прогресса. Следуя традициям великих русских математиков и механиков П. Л. Чебышева, Н. Е. Жуковского, С. А. Чаплыгина, выдающийся ученый нашего, советского времени неуклонно стремился сочетать науку с конкретными требованиями и проблемами, стремился к быстрейшему практическому использованию научных открытий.

«Очевидно, две области науки оказывают наибольшее влияние на современный научно-технический прогресс,— пишет М. В. Келдыш в своем вступительном слове к монументальной книге «Октябрь и научный прогресс».— С одной стороны, это физика, которая, наряду с крупнейшими открытиями в своей области, оказала громадное методическое влияние на все направления естественных наук и на технику. С другой стороны, это кибернетика, которая оказывает все большее влияние на образ мышления людей и позволяет осмыслить и реализовать, опираясь на вычислительную технику, многие новые процессы переработки информации и управления в природе, в организации общества, в технике, использовать новые мощные технические средства во многих областях, которые мы ранее относили к сфере интеллектуальной деятельности человека. Физика и кибернетика создали основу для таких крупнейших завоеваний нашего века, как овладение атомной энергией, проникновение в космос, как новая ступень автоматизации, и вместе с тем оказали громадное методическое влияние на развитие химии, на блестящие открытия в биологии, на многие другие области знания».

Основополагающими считает современная наука фундаментальные математические работы академика М. В. Келдыша во многих областях научно-технического прогресса. Создание новой науки — вычислительной математики, ставшей основой крупнейших достижений современности, неразрывно с именем академика М. В. Келдыша.

Неразрывны с именем ученого-коммуниста страницы славы нашей космической летописи, огромен его вклад в разработку научных проблем изучения и практического освоения космического пространства.

...Жизнь ученого. Действительно, можно с чувством глубочайшего уважения подивиться громадности труда, принесенного на пользу советскому обществу, нашему времени доктором физико-математических наук, профессором, академиком М. В. Келдышем. Он возглавляет Совет по координации научной деятельности академий наук союзных республик, Комитет по Ленинским и Государственным премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР и принимает самое деятельное участие в работе многих научных советов и обществ. Он партийный и государственный деятель: член Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР.

Многое сделал академик М. В. Келдыш для организации международного научного сотрудничества, для координации усилий ученых социалистических стран, для пропаганды достижений советской науки за рубежом. Международная научная общественность высоко оценивает его вклад в дело прогресса и мира.

Всеобщим уважением окружено имя Мстислава Всеволодовича Келдыша, дважды Героя Социалистического Труда, кавалера шести орденов Ленина, трех орденов Трудового Красного Знамени, лауреата Ленинской и Государственных премий Союза ССР. Многие академии мира избрали выдающегося ученого современности своим почетным членом, многие университеты — почетным доктором наук.

Пожелаем же Мстиславу Всеволодовичу в день его шестидесятилетия еще многих лет крепкого здоровья, новых трудов и свершений во имя настоящего и грядущего нашей Родины.

М. АЛЕКСАНДРОВ

РАПОРТ С ВЕНЕРЫ

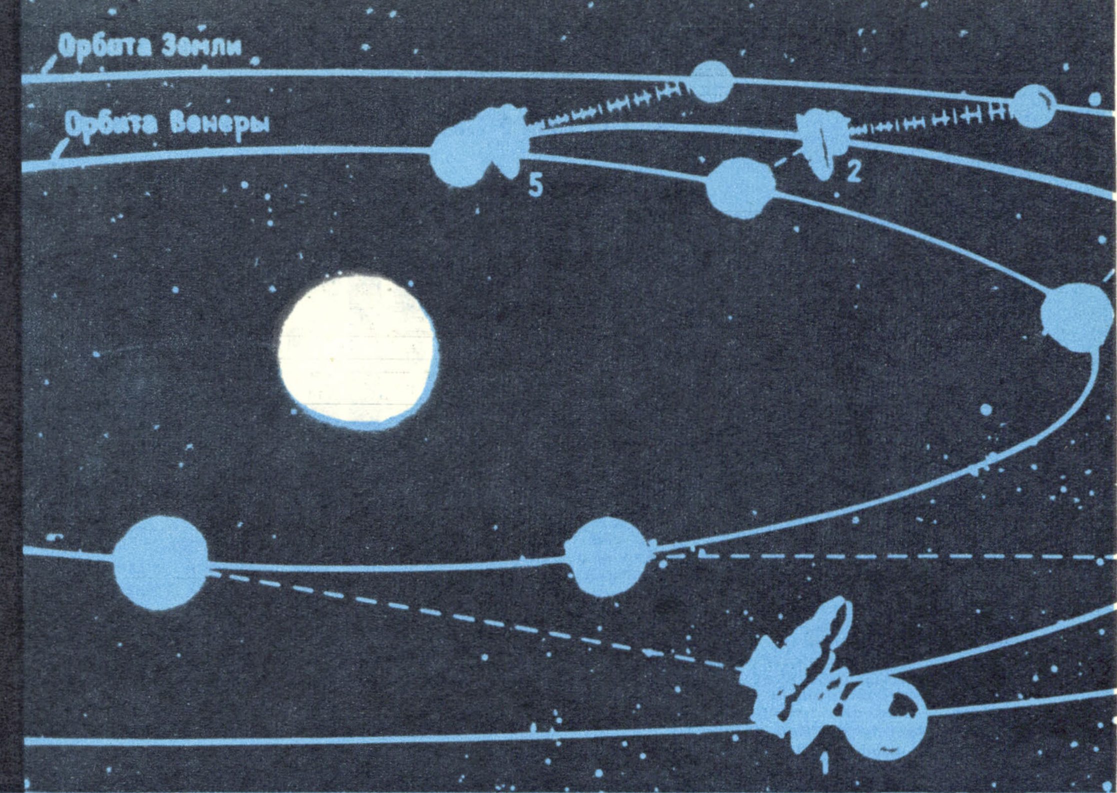

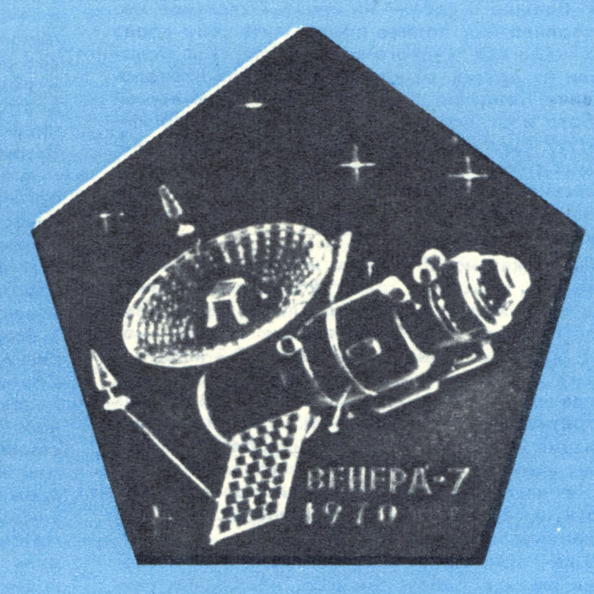
Схема полета и проведение сеансов радиосвязи и

ТАИНСТВЕННАЯ ПЛАНЕТА РАСКРЫ

Эти вымпелы доставила на Утреннюю звезду наша межпланетная автоматическая станция.

Фотохроника ТАСС.

Ее называют «планетой загадок». В общем, это было оправданно до недавнего времени. За 350 лет телескопических исследований астрономы мало что узнали о ближайшей к нам планете.

Даже период вращения Венеры не был известен. Однако по некоторым соображениям считалось, что условия на поверхности Венеры должны не очень сильно отличаться от земных. В пользу этого говорили и размеры, и масса Венеры, и наличие атмосферы с мощным облачным слоем. И вот уже писатели-фантасты пишут чуть ли не о венерианской цивилизации, называя вторую от Солнца планету «наша космическая сестра».

А тем временем астрономы, получившие такой мощный инструмент исследования, как спектральный анализ, тщетно пытаются найти в атмосфере Венеры самые распространенные на Земле газы: кислород, азот и водяные пары. И вдруг, к своему удивлению, обнаруживают в неожиданно большом количестве углекислый газ! Это открытие, конечно, выглядело странным, однако с традиционными представлениями уживалось. Странной представлялась необычно высокая концентрация углекислого газа, но... на то Венера и носит репутацию «планеты загадок».

Наряду со спектральным анализом все шире стали использоваться методы радиоастрономии. Радиоволны сантиметрового диапазона способны легко проникать через атмосферу. Ученые воспользовались этим свойством и в пятидесятых годах измерили поток радиоизлучения Венеры.

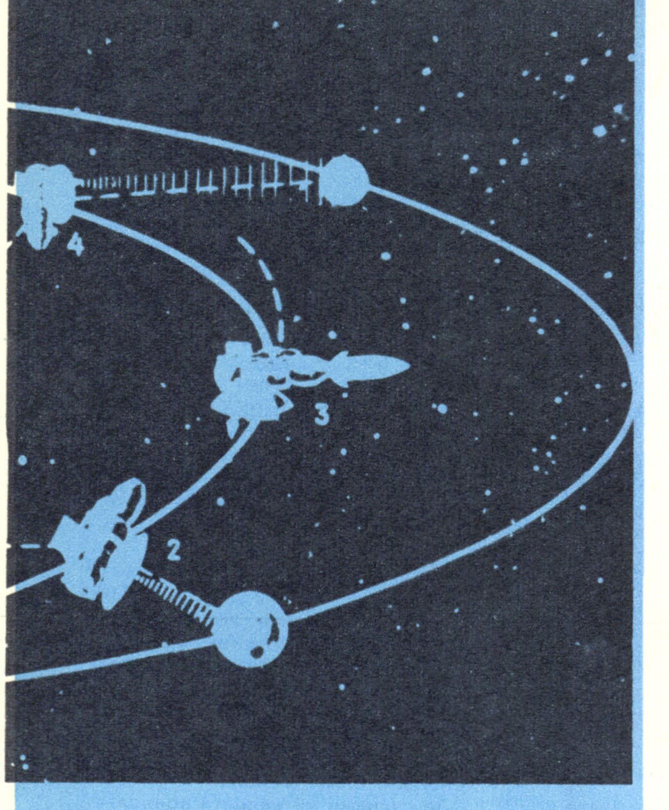
Результаты получились невероятными: Венера излучала радиоволны, как черное тело, нагретое до 600° Кельвина! Похоже, что «наша космическая сестра» не только «планета загадок», но и «планета сенсаций»!

...Автоматическая межпланетная станция «Венера-7» стартовала к Венере с промежуточной орбиты искусственного спутника Земли 17 августа 1970 года.

15 декабря в 8 часов 34 минуты 10 секунд по московскому времени спускаемый аппарат совершил посадку на поверхность Венеры.

Спускаемый аппарат был оборудован высокостабильными генераторами частоты. Во время полета несколько раз проводилась их калибровка и сравнение с частотой эталонных наземных генераторов. Все это позволило измерять скорость снижения аппарата в атмосфере Венеры с высокой точностью.

Для измерения давления и температуры атмосферы Венеры на спускаемом аппарате станции

коррекции межпланетной автоматической станции.

ВАЕТ ТАЙНЫ

«Венера-7» была установлена специальная аппаратура, которая позволяла измерять температуру в диапазоне от 25 до 540 градусов по Цельсию и давление от 0,5 до 150 атмосфер.

Поскольку предыдущие измерения советских автоматических станций «Венера-4», «Венера-5» и «Венера-6» показали, что атмосфера планеты весьма разогрета, было целесообразно дойти до не исследованных еще областей как можно быстрее. Это обеспечило наиболее благоприятный температурный режим спускаемого аппарата станции «Венера-7» на главном конечном участке спуска и на поверхности Венеры.

Учет возможных погрешностей измерений позволил оценить допуски на полученные значения температуры и давления. Значения атмосферных параметров на поверхности планеты в месте посадки спускаемого аппарата станции «Венера-7» составляют:

— температура 475±20 градусов Цельсия;
— давление 90±15 атмосфер.

Таким образом, в результате полета автоматической станции «Венера-7» проведены непосредственные измерения параметров атмосферы Венеры вплоть до поверхности. Окончательно установлено, что Венера обладает необычайно сильно разогретой атмосферой, плотность которой у поверхности примерно в 60 раз превышает плотность атмосферы у поверхности Земли.

Впервые научная информация передавалась непосредственно с поверхности другой планеты Солнечной системы.

Полетом станции «Венера-7» положено начало прямым экспериментам на поверхности Венеры. Решена сложная инженерная задача — получение научных данных в условиях исключительно высоких давлений и температур.

Научные результаты, переданные автоматической станцией «Венера-7», значительно расширили наши знания о ближайшей к Земле планете. Сделан очередной важный шаг в изучении космического пространства и планет Солнечной системы.

На спускаемом аппарате были установлены вымпелы с изображением Владимира Ильича Ленина и Государственного герба Советского Союза.

Новое достижение советских ученых и конструкторов, инженеров, техников и рабочих, коллективов всех организаций, участвовавших в разработке, создании, запуске и обеспечении полета автоматической станции «Венера-7», совершено в преддверии важнейшего события в жизни советского народа — XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза.

ПОВОДЫРЬ В ИЗОЛЯЦИИ

Дмитрий АНДРЕЕВ

Было время — Содружество наций именовалось британским. Было время — конференции премьеров этой широкой ассоциации прежних колоний и доминионов Британской империи созывались по усмотрению власть имущих в Лондоне и проводились в мрачноватом Мальборо-хауз, старом здании на полпути между Букингэмским дворцом и британским Адмиралтейством. Не в прямом, так в переносном смысле королевская корона и мощь флота ее величества служили как бы оправой таких конференций и предопределяли многое. При всей противоречивости интересов государств — членов Содружества британским правительствам удавалось тогда так или иначе доминировать над «остальными» и, изощренно спекулируя на экономической, а в ряде случаев и политической зависимости большинства афроазиатских участников конференций, склонять их в конечном счете к принятию или по крайней мере молчаливому одобрению британской точки зрения по главнейшим вопросам. Было время, да, пожалуй, вышло.

18-ю по счету конференцию премьеров Содружества наций, проходившую в январе в Сингапуре, позже отнесут, наверное, к разряду поворотных. Правда, эта весьма представительная международная встреча, в которой участвовала 31 правительственная делегация от стран с общим населением в 900 миллионов человек, окончилась формально без сколь-либо существенных результатов. Там была принята лишь «Декларация принципов Содружества», да и то в варианте, выхолощенном поправками со стороны так называемых «белых доминионов». Но сама эта безрезультатность вынудила английское агентство Рейтер к настороженному заключению:

«Лидеры стран Содружества наций, вернувшиеся к себе домой после девятидневного совещания в верхах в Сингапуре, оставили под зданием Содружества наций бомбу замедленного действия... Президенты, премьер-министры и министры из стран всех континентов знают, что день расплаты для Содружества наций просто отсрочен». Очень похоже, что это действительно так.

Утверждают, что, отправляясь в Сингапур, британский премьер Эдвард Хит сказал будто бы, перефразируя знаменитые слова У. Черчилля: «Я не собираюсь председательствовать при распаде Содружества». Возможность выхода из Содружества тех или иных стран — прежде всего африканских,— по всей вероятности, и впрямь не очень беспокоила нынешних лондонских лидеров. Британские монополии и финансисты Сити в последние годы активно переориентируются на рынки Западной Европы и готовы в этой связи пойти на определенные издержки в обширных, но значительно медленнее развивающихся районах Азии и Африки.

Главная цель английской делегации в Сингапуре заключалась в том, чтобы и там протащить свою концепцию нынешнего состояния дел на международной арене, чтобы убедить участников конференции в растущем коммунистическом проникновении и, следовательно, в необходимости всемерного противодействия этой угрозе. Под этим общим соусом лондонские деятели и намеревались подать «остальным» свою готовность возобновить поставки оружия расистскому режиму Южно-Африканской Республики и проведение военно-политических мер «к востоку от Суэца», выставив в качестве аргументов возросшее якобы «присутствие советского военно-морского флота» в Индийском океане.

Дутый «аргумент», как и следовало ожидать, не сработал. Когда Э. Хит пытался «обосновать» создание совместной англо-американской военной базы на атолле Диего-Гарсиа, министр иностранных дел Индии Сингх заметил: «Все хотят охранять свои торговые пути или коммерческие морские пути, однако дни дипломатии канонерок прошли... Нет никакой необходимости создавать для этой цели постоянную базу военного характера». Индийский еженедельник «Мэйнстрим» писал, что нет никаких свидетельств военной угрозы со стороны Советского Союза: «Это обман в чистом виде, с помощью которого пытаются найти удобоваримый предлог для расширения американского военного присутствия, которое позволило бы беззубой Англии тоже удержаться здесь, цепляясь за полы сюртука дяди Сэма». Корреспондент американского агентства Ассошиэйтед Пресс сообщал в те дни из Сингапура, что все прибрежные государства, входящие в состав Содружества, выступают против мер, которые могут усилить соперничество великих держав в Индийском океане.

Больше того, официальную «аргументацию» нынешнего английского правительства высмеяли даже в самой Англии. Бывший премьер, лидер лейбористов Гарольд Вильсон, выступая на митинге в Норвиче, говорил: «Эта новая одержимость Индийским океаном не обеспечила особого доверия к нему (Э. Хиту.— Ред.) во время его поездок за границу. Даже Пентагон, который способен видеть коммунистов под кроватью, или на дне моря, или где бы то ни было еще, не проявил никакого интереса к его аргументам».

Не большего добились лондонские деятели и в вопросе о возобновлении поставок оружия расистам Южно-Африканской Республики. Ссылки на Саймонстаунское соглашение 1955 года между Англией и ЮАР, на то, что английское оружие не будет использоваться внутри ЮАР и предназначено лишь для целей «внешней обороны» и охраны морских путей, не произвели должного впечатления на участников сингапурской конференции. Подавляющее их большинство (по подсчетам корреспондентов — 28 из 31 делегации) отвергло это намерение как прямое или косвенное пособничество расистам. В заявлении, опубликованном во время сингапурской конференции, министры иностранных дел Танзании, Замбии, Кении и Уганды разъяснили Э. Хиту, как южноафриканские расисты понимают «цели внешней обороны», и напомнили, что ЮАР уже использовала самолеты «Баканир» против борцов за свободу в Родезии в 1963 году и минный тральщик «Порт Элизабет» в действиях против африканских партизан в 1969 году. Когда на рассвете 21 января бурные двухдневные обсуждения этого вопроса подходили к концу, президент Замбии Кеннет Каунда с горечью заметил членам британской делегации: «На помощь Англии (во время второй мировой войны) пришли тысячи африканцев. О жертвах молчаливо свидетельствуют их могилы в Европе, Азии, Африке. А где был тогда Форстер (нынешний лидер расистского режима ЮАР)? Он сидел в тюрьме, признанный виновным в оказании помощи врагам Англии — нацистам».

...Было время — Лондон выступал почти неоспоримым поводырем большинства стран Содружества наций. Было... В Сингапуре поводырь оказался в изоляции.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Михаил АНДРИАСОВ

На могиле героев-артиллеристов в селе Большие Салы воздвигнут памятник. Фото А. Гостева

ЭТО БЫЛО ПОД РОСТОВОМ

Если б мог говорить старый тополь, один из тех, что стоят в донской степи, под Ростовом...

Он поведал бы о подвиге пятнадцати чудо-богатырей, вставших стеной в этой привольной казачьей степи перед танковой армией генерала фон Клейста.

За спинами пятнадцати воинов — большой русский город. Как в суровую осень того же сорок первого года герои-панфиловцы грудью своей прикрыли Москву, точно так же герои-оганяновцы преградили путь фашистам на Ростов. «Ростов — ключ к Кавказу... И мы, повернув этот ключ, хозяевами войдем в ворота, ведущие к бакинской нефти, а потом и к Индии»,— чванливо хвастался в своем приказе фашистский генерал фон Клейст.

Но он не имел никакого понятия о душе советского солдата. Лютый бой, разгоревшийся в донской степи, на огненной черте, у древнего степного кургана, по накалу своему был таким же беспощадным, как бои под Москвой и Киевом, Одессой и Смоленском...

На картах высота у селения Большие Салы не имела имени. Не о ней ли, не об этой ли высоте поется в песне, что так властно проникла в людские сердца?!

...Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте
У незнакомого поселка
На безымянной высоте...

И мало кому известно, что у этой «безымянной» высоты, давнего скифского кургана, все-таки было имя. Пожалуй, знали его лишь древние старики из соседнего селения Мец-Сала. Они называли этот степной холм курганом Бербер-Оба. Откуда это армянское название раскинувшегося здесь селения Мец-Сала пришло в донскую казачью степь?

Его принесли сюда во второй половине восемнадцатого века люди, перекочевавшие на Дон из Крыма; люди, что за семь столетий до того лишились своей родной земли — Анийского государства и теперь искали новый дом, сердцем поверив в то, что найдут его на русской земле; люди, трудным переселением которых руководил тогда генерал Александр Васильевич Суворов.

Почему я назвал героев, сражавшихся у стен Ростова, на кургане Бербер-Оба, оганяновцами? Да потому, что на этом кургане стояла насмерть артиллерийская батарея, которой командовал двадцатилетний лейтенант Сергей Оганян. Первыми рассказали о подвиге героев-артиллеристов мои боевые побратимы, мои товарищи по работе в редакции «Комсо-

Герой Советского Союза командир батареи лейтенант Сергей Оганян.

Герой Советского Союза политрук Сергей Вавилов.

мольской правды», военные корреспонденты Михаил Котов и Владимир Лясковский. Коротко суть небольшой книжки, написанной ими на Южном фронте, можно изложить так.

Первая танковая армия Клейста бешено рвалась к Ростову.

Таганрог — сосед Ростова был захвачен гитлеровцами в октябре 1941 года. Больше месяца топталась в степи между двумя донскими городами танковая армия фашистов, усиленная тремя дивизиями, над двумя из которых развевались зловещие штандарты СС.

Батарея Оганяна была загадкой для гитлеровцев. Сколько нацистских вояк уже полегло на подступах к высоте, сколько подбито и искалечено танков, а четыре советских орудия по-прежнему господствуют над степью! Однако несла потери и комсомольская батарея. Семнадцатого и восемнадцатого ноября, когда бои у высоты достигли своего апогея, курган Бербер-Оба у пересечения трех дорог защищали только пятнадцать артиллеристов. На курган, пытаясь обойти его, наступало пятьдесят танков. Больше чем по три на каждого нашего воина.

В жестокой схватке пали герои. Но танки Клейста не прошли. Более тридцати из них были пригвождены к земле. Вот имена пятнадцати бессмертных: **Сергей Оганян, Сергей Вавилов, Василий Пузырев, Степан Лазарев, Федор Абраменко, Сурен Арутюнов, Василий Ткаченко, Аслан Велиев, Исмаил Мамедов, Кары Шахвалиев, Фазлы Ахмедов, Мовсес Гулян, Велихан Велиханов, Денис Бахишев, Григорий Корсунов... Русские, армяне, украинцы, азербайджанцы, казахи, таджики... Двоим из пятнадцати — комбату лейтенанту Оганяну и политруку батареи Сергею Вавилову — было присвоено звание Героя Советского Союза.**

...С той поры прошло двадцать девять лет.

Зимний ветер вольготно гуляет по ростовской степи, позванивает оголенными, обледенелыми ветвями старого тополя, и в том печальном звоне мне слышится удивительный рассказ Оганяна, то сокровенное, что Сережа не успел поведать людям.

Сын тбилисского вагоновожатого Сергей Оганян родился в феврале 1921 года. В те дни на грузинской земле установилась Советская власть.

Ровно через девятнадцать лет, в феврале 1940 года, стройный, остроглазый, черноволосый паренек поступил в Тбилисское артиллерийское училище. Окончил его досрочно...

От перрона тбилисского вокзала отходил на фронт поезд. Молоденького, красивого офицера-артиллериста, одетого в новую, ладно пригнанную военную форму, перехваченную похрустывающими ремнями, провожала его мать Азнив. В переводе на русский имя Азнив значит Благородная. Глаза ее были полны невыплаканных слез...

— Сын мой, Серго-джан... Свет очей моих... Я с тобой... В твоей груди мое сердце...

— Успокойся, мама-джан. Будь мужественной. Знай, тебе за меня не придется краснеть. Я вернусь, мама.

— Серго, родной, платки не принято дарить. Но этот возьми... Пусть он будет талисманом... Он дорог мне.

Сергей положил в карман старинный шелковый вышитый платок, прижался губами к родным, бесконечно дорогим материнским рукам.

Военные дороги грозного сорок первого после изнурительных оборонительных боев на Украине привели Оганяна в низовье Дона, на казачью землю...

Позванивают, словно стеклянные колокольчики, льдинки на старом тополе...

...И вот я спустя почти тридцать лет после боя, в котором обрели бессмертие герои-оганяновцы, поднимаюсь у села Мец-Сала, что по русски значит Большие Салы, на курган Бербер-Оба, ныне называемый в народе Артиллерийским...

На склонах кургана до сих пор сохранились окопы оганяновцев, ходы сообщений... Здесь они стояли до самой смерти. Земля этого кургана и приняла их светлый прах.

Когда после войны возродилось донское армянское село, расцвел колхоз «Памяти 26 бакинских комиссаров», открылись в селе новая школа, Дворец культуры, больница, детский сад, жители бережно перенесли останки героев-артиллеристов в центр села и на братской могиле воздвигли памятник. Его создали ростовские скульпторы Аршалуйс Джелаухян и Рубен Шекер. На пьедестале — пятнадцать бессмертных. Над ними красное знамя. Впереди с гранатой в руках комбат Сергей Оганян. Рядом с ним — политрук батареи Сергей Вавилов...

Председатель колхоза Гайк Чобанян, секретарь парткома колхоза Хачерес Дирацуян и председатель сельсовета, родившийся уже после гибели оганяновцев Геворг Чебонян водят меня по селу, рассказывают о его жизни, о планах на будущее.

В колхозе десятки грузовых и легковых машин, двадцать комбайнов, новая библиотека, на днях откроется кафе... Доход артели в минувшем, семидесятом, году составил два с половиной миллиона рублей.

В больше-сальской средней школе № 8 имени Микаэла Налбандяна создан музей, посвященный подвигу пятнадцати. Под стеклом портреты Оганяна, Вавилова и других героев Артиллерийского кургана. Прекрасную диораму того памятного боя создали старшеклассники Маркар Чобанян, Дмитрий Лагеза и Андраник Бугаян. Ребятам помогал учитель рисования и труда, секретарь партийной организации школы Александр Адамович Баронян.

Тут же, в музее, фотографии матери и братьев Оганяна, родителей Вавилова, сестры Мовсеса Гуляна и родственников других воинов. На стенах музея и портреты учителей этой сельской школы, тех, кто не вернулся с войны,— Минаса Габриэловича Поповяна, Маркоса Абрамовича Тирацуяна, Бениамина Гукасовича Луспикаяна, Газароса Геворковича Тирацуяна, Сурена Мелконовича Пегливаняна — двоюродного брата героини краснодонской «Молодой гвардии» Майи Пегливановой, чей обаятельный облик так проникновенно воссоздан Александром Фадеевым.

В школьный музей все время приходят люди поклониться памяти оганяновцев. Из Актюбинска каждый год наведывались старики Вавиловы — родители политрука. Из Тбилиси часто приезжала ставшая в селе Большие Салы своим человеком Азнив Самвеловна Оганян, приезжают братья Сергея...

В свой первый приезд в донское село Азнив Самвеловна познакомилась с санитаркой местной больницы, необычайно доброй, отзывчивой женщиной Сирануш Карповной Бостанджян. Санитарка любезно пригласила приезжую в свой дом, предложила остановиться у нее. Войдя в дом, Азнив сразу увидела фотографию молодого офицера...

— Сыночек... Серго-джан!..

Обнявшись, рыдали женщины. Оказывается, в ноябре сорок первого Оганян и Вавилов жили некоторое время у Бостанджянов. Сирануш и ее мать, ныне здравствующая 86-летняя Анна Петросовна, как за родными, ухаживали за двумя Сергеями. Потом, когда начались бои и артиллеристы уже не покидали своих позиций, Сирануш часто носила им на курган вареники со сметаной, молочный суп, выстиранное белье...

Но когда на рассвете семнадцатого ноября Оганян с кургана увидел приближающуюся Сирануш, он рукой подал знак — не приближаться, немедленно уходить.

Сирануш не поняла его, продолжала идти. Тогда Сергей стремглав кинулся к ней:

— Немедленно назад, Сирануш! Начинается бой! Уходите! Вам нельзя...

Потом быстро достал из кармана вышитый шелковый платок.

— Очень прошу вас, Сирануш... Если что случится, отдайте этот платок моей матери...

Сирануш сберегла платок Сергея и теперь отдала его Азнив. Уезжая из донского села, мать завернула в платок пригоршню земли с могилы сына и его кровных братьев и увезла с собой.

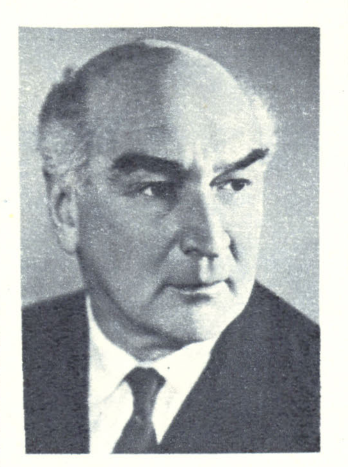
Азнив умерла несколько лет назад. Говорят, когда засыпали свежую могилу матери, на ее гроб вместе с комьями грузинской посыпалась и пригоршня донской земли.

* * *

30 ноября 1970 года на приеме, устроенном Центральным Комитетом Коммунистической партии Армении, Президиумом Верховного Совета Армянской ССР и Советом Министров Армянской ССР в честь 50-летия установления Советской власти в Армении и образования Коммунистической партии Армении, Леонид Ильич Брежнев сказал:

Мое знакомство с армянским народом началось в дни Великой Отечественной войны. Мне довелось тогда узнать многих мужественных, храбрых, беззаветно преданных нашей Советской Родине, делу социализма и коммунизма сынов армянского народа. Это были бойцы, офицеры, генералы. Боевая дружба—это особая дружба. Она позволяет за короткий срок узнать душу человека. И тогда, в дни жестоких сражений, я познал прекрасную душу армянского народа.

Сергей Оганян был одним из первых воинов, чью прекрасную душу познал в ноябре 1941 года бригадный комиссар Л. И. Брежнев. В те героические дни бригадный комиссар отредактировал книжку о беспримерном подвиге пятнадцати оганяновцев. На обложке книги стояло только одно слово — «Бессмертие». Иначе она и не могла называться.

СТРОИТЕЛЬ СОВЕТСКОГО ТЕАТРА

Огромен вклад Мордвинова в историю советского театра. Мордвинов был наш друг. Настоящий волжский богатырь, полный, казалось бы, неисчерпаемых сил, романтик, фанатик, труженик... Удивительный человек с большим сердцем и кристальной душой... Да что говорить: разве из этого перечисления возникнет неповторимый, пленительный образ советского артиста Николая Мордвинова!

Прошло пять лет после его смерти. Годы эти промелькнули как одно мгновение. И все же они сделали какое-то свое дело, очистив в нашей памяти образ Мордвинова от случайного, несущественного. Теперь он живет в нас как символ самых лучших, самых высоких дней нашего театра, начиная с периода возникновения нашей студии на Сретенке, где молодой артист сразу заявил себя замечательными ролями, которые раскрыли огромное богатство мордвиновского дарования: обаяние, темперамент, смелость, художественный максимализм...

Мордвинов не терпел ничего серого, тусклого, вялого; из него как бы исходил, заражая зрителей, огромный заряд творческой энергии. Можно было в чем-то не соглашаться с ним, но нельзя было оставаться к нему равнодушным!.. Его неодолимо влекли яркие, цельные характеры, которые он с огромной внутренней убежденностью нес зрителям: Петруччио в «Укрощении строптивой» Шекспира, Карл Моор в «Разбойниках» Шиллера, Богдан Хмельницкий в одноименном фильме, генерал Огнев во «Фронте» Корнейчука.

Слава, прочно утвердившаяся за артистом, не изменяла Николаю Мордвинову, но была не только славой театральной, сценической. Эта была слава человека-труженика, с неисчерпаемой любовью к людям и верой в людей, в их способность к величайшим движениям души, к большим чувствам и замечательным свершениям. И недаром вершиной творческого взлета Николая Мордвинова стали шекспировский Отелло, лермонтовский Арбенин и рядом с ними — рабочий, советский человек Забродин в спектакле И. Штока «Ленинградский проспект», рабочий Забродин, осуществляющий делом великую миссию нашего общества и нашей страны, призванных историей преображать жизнь по законам красоты.

Сегодня Мордвинову было бы 70 лет. Бесконечно обязан ему наш театр, весь коллектив Театра имени Моссовета; и память о нем для нас священна.

Ю. ЗАВАДСКИЙ,
народный артист СССР

Николай Иванович
Алсуфьев.

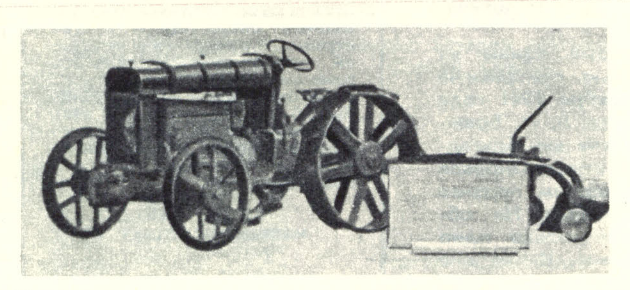
Через несколько минут с главного конвейера сойдет еще один трактор.

«К-700» в украинских степях.

СЕМЬЯ БОГАТЫРЕЙ

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото В. ДЕНИСОВА и М. САВИНА.

Модель первого советского трактора «Фордзон-Путиловский».

Николай Иванович Алсуфьев — старший технолог «десятки», так называют на Кировском заводе механический цех № 10. Николай Иванович — человек долгой рабочей судьбы, и вся его сознательная жизнь связана с тракторами, с помощью деревне. С нарядом биржы труда пришел он на «Красный путиловец» учеником токаря. Тогда с конвейера сходили уже сотни советских тракторов. Молодой старательный па-

В механическом цехе Кировского завода. Идет сварка.

рень учился мастерству у пионеров советского тракторостроения — у К. Я. Яковлева, М. Я. Давыдова и У. З. Каримова. И вскоре Алсуфьев достиг самого высокого разряда на обработке полуосей. Потом настройщик станков, сменный мастер, потом старший мастер цеха. Сорокалетний опыт Н. И. Алсуфьева особенно пригодился, когда завод приступил к выпуску самых мощных тракторов марки «К-700». Николая Ивановича назначили старшим технологом цеха. Не по возрасту энергичный, с прежней рабочей страстью он внедряет высокопроизводительную технологию.

Сходят с конвейера тракторы...

Помню, как-то летом, в самый разгар уборочной страды, летели мы с рабочими Кировского завода на Дон, к Михаилу Александровичу Шолохову. По дороге из Ростова в станицу Вешенскую кировцы завернули в Зерноград. На его полях держали тогда экзамен тракторы «К-700». К тому времени эта машина уже два года испытывалась в разных земледельческих зонах страны. Ждали рабочие и слова ученых Зернограда. Этим объяснялось то нетерпение, с которым ленинградцы, высыпавшие из автобуса, устремились навстречу своему «К-700». Могучий и красивый, он шел по степи в «упряжке» с комбайном.

Хлеборобы и тракторостроители быстро нашли общий язык. Не обошлось и без того, чтобы не вспомнить о первых «фордзонах-путиловцах». Одному из кировцев, Константину Яковлевичу Яковлеву, много лет назад довелось выводить из ворот родного завода первый советский трактор! Первый... А чтобы собрать его, первенец, Константину Яковлевичу пришлось ездить учиться за океан — к Форду. И вот сейчас Яковлев с восхищением и гордостью наблюдал работу «К-700». На полях Зернограда рядом с советским «Кировцем» испытывался и фордовский «Вагнер». «Вагнер» не устоял. Дали ему полную нагрузку — не выдержал! И так по всем показателям верх взял наш «Кировец».

Позже я встретился на Кировском заводе с главным конструктором проекта небывалого еще по мощности, универсальности и скорости трактора. Вячеслав Александрович Поляченко начинал свою трудовую жизнь в цехах «Ростсельмаша», там, на Дону, учился он слесарному делу, собирал первые комбайны, занимался на рабфаке, писал стихи...

— Значит, донцы довольны нашим трактором? — оживился главный конструктор.— Дайте срок, нашу машину признают и полюбят на Дону...

Так и случилось со временем. Вот сообщение с земель целинных: хвалят новый трактор. Восьмикорпусным плугом «К-700» пашет со скоростью, превышающей шесть километров в час. Есть трактористы, которые за день поднимают до тридцати гектаров целины. Это в два с половиной — три раза больше, чем обычно. Качество пахоты при этом отменное.

Вячеслав Александрович был человеком кипучей энергии. В его характере угадывались знакомые мне черты энтузиаста двадцатых—тридцатых годов. Он частенько вырывался из кабинета на степные просторы, изучал на полях нрав своего детища, подолгу ходил за свежими бороздами. А когда надо было, то взбирался и в кабину. Он сам до всего докапывался. Зная, какой огромный творческий труд вложили кировцы в создание «К-700», Поляченко не переставал напоминать:

— Как бы ни были нами довольны, мы должны совершенствовать наш «Кировец».

Конструктор знал, что новый трактор имеет не только восторженных поклонников и почитателей, но и противников. Не оставлять лазеек для них, отрабатывать каждый узел, каждую деталь до предельного совершенства — вот чего он добивался от тракторостроителей.

В саратовском Заволжье быстрее и раньше, чем где-либо, увидели в «К-700» большое будущее. Саратовцы и дали машине путевку в жизнь. В Ершовском районе можно сегодня видеть безотказно работающие «К-700» с первыми порядковыми заводскими номерами. Вообще же число этих тракторов перевалило в области за две тысячи! Испытатели здесь дневали и ночевали... «Прямо скажем, с приходом на поля «Кировцев» дела у нас пошли лучше, мы стали быстрее справляться с полевыми работами. Сейчас зябь поднимаем одновременно с уборкой урожая»,— писал ленинградцам саратовский механизатор В. М. Кудинов.

«В сравнении с гусеничными тракторами «Кировцы» в два-три раза производительней почти на всех полевых работах...» — сообщал заместитель начальника Саратовского областного управления сельского хозяйства А. Г. Рыбалко.

В знак признательности за создание новой машины саратовцы назвали один совхоз Ершовского района именем Вячеслава Александровича Поляченко.

Удивительно слитно и нераздельно переплелась судьба старейшего Кировского завода с судьбой хлеборобов нашей страны. В последние полвека забота о хлебе насущном стала для кировцев такой же важной, как и забота о выпуске основной продукции. Если вам когда-нибудь придется побывать в узбекском поселке Чиназ, вы увидите там на постаменте один из первых советских тракторов, собранных руками путиловцев. На Херсонщине и в Белгородской области, как памятники, стоят путиловские тракторы, распахивавшие межи единоличников...

Еще в конце двадцатых годов ходоки из первых колхозов Балашовского района, Нижне-Волжского края, побывали в цехах «Красного Путиловца». Рабочие в ответ послали балашовцам колонну тракторов. И вот снова спустя сорок лет кировцы шлют свои могучие тракторы в колхозную степь.

«К-700» непрерывно совершенствуется. Создана базовая модель трактора «К-700А». С главного конвейера сошла первая партия новых степных богатырей. Механизаторы найдут в них немало нового: теперь топливные баки гарантируют работу трактора без заправки горючим на всю смену. Если потребуется, «К-700А» можно оснастить бульдозером, скрепером, погрузчиком, роторным и плужным снегоочистителями. Намного повышена надежность всех главных узлов машины. Улучшены и условия труда трактористов. Снижен шум в кабине, установлен радиоприемник, переделано сиденье. Вдвое усилено освещение.

Теперь уже не только на Дону и в Поволжье, но и на Кубани, в Казахстане, в Сибири и Заполярье ждут кировских богатырей. Завод стремится как можно быстрее освоить серийный выпуск «К-700А». Сейчас на сборке тракторов можно увидеть и тех, кто собирал первые путиловские «фордзоны»,— Михаила Яковлевича Давыдова и Константина Яковлевича Яковлева. Советом и делом они готовят вместе с молодыми кировцами во внеурочное время подарок XXIV съезду КПСС — колонну в десять могучих тракторов.

«К-700» на уборке урожая в совхозе имени Петровского, Днепропетровской области.

Хамзат ОСМИЕВ

Люблю землю

Прекрасны неба синего просторы!
В нем — радуги и крики журавлей,
А по ночам
Сияют, как узоры,
Несчитанные россыпи огней.

Лежи в траве,
Мечтай о сокровенном,
Смотри, как проплывают облака,
Орел парит...
Но если откровенно —
Земля мне все же более близка.

Пускай черна и солона от пота,
Пускай она исхожена не раз:
Работница — ей по душе работа,
Кормилица —
Она вскормила нас.

На ней шумят доверчивые листья
И бьют моря зеленою волной...
За доброту твою, за бескорыстье,
За все, земля,
Поклон тебе земной!

Перевел с ингушского
Бор. ГАЙКОВИЧ.

Евдокия ЛОСЬ

Лирика

ДЕВИЧЬЯ ПЕСНЯ

Где ты, счастье мое, ступаешь,
Где тропиночки выбираешь?
Иль на жердочки мне ступать,
На весельице поднажать?
Иль платочком мне повязаться,
Или с косами мне остаться?
Или просто смотреть,
иль с лукавинкой,
Иль блинком угощать,
иль сухариком?
Опускается солнце низко...
Где ж ты, счастье мое,
иль близко?

ПОСАДИЛА ТРИ РЯБИНЫ

Посадила три рябины.
Посадила клен и дуб.
Три рябины — на рубины,
Клен — на листья,
Дуб — мне люб.
Мне рубины надевать,
Вам под кленом гостевать,
А под дубом
Густочубым
Молодого целовать!..

Перевел с белорусского
Александр ПРОКОФЬЕВ.

Штаб бригады № 4 колхоза «Кубань» на полевом стане бригады № 2 колхоза «Красный Октябрь». На переднем плане:

ЧЕРЕЗ МЕ

М. И. Клепиков, В. Е. Нечаев и В. Ф. Тищенко.

Николай БЫКОВ

Фото М. САВИНА.

Издревле сложилось о бедном поле: колос от колоса — не слышно голоса. Стало быть, уж так неурожайно, что дальше некуда. А человек в старину и не пытался подавать голос: кто услышит раздавленного нуждой, бескормицей, бесправием? Далеко колос от колоса, еще дальше человек от человека. Так было, и об этом не забыть. Об этом вспоминал я, будучи на Кубани, живя в колхозном городе Усть-Лабинске...

Осень-70, новая победа знаменитого колхоза.

Михаила Ивановича Клепикова знает вся страна. Его бригада знаменита устойчивыми урожаями. Интерес к личности бригадира, к тому, что объединяет таких разных людей в одной бригаде,— величина постоянная на протяжении вот уже лет пятнадцати. Это понимают, с этим, можно сказать, уже «смирились» и «четвертая гвардейская», как прозвали журналисты бригаду Клепикова, и сам ее вожак, и многочисленные экскурсанты, интервьюеры, зарубежные визитеры. Сколько бы раз ни приезжал на Кубань, всегда кто-нибудь да предложит: «Завернем к Михаилу Ивановичу, как он там?» А как он? Работает! Значит, занят, иной раз и не подходи лучше. Так было в пору, когда Клепиков только-только возглавил комсомольско-молодежную бригаду, так и сейчас, когда те его комсомольцы давно вернулись из армии, стали многодетными отцами, прославленными мастерами, а сам он, несменяемый бригадир, в который уже раз избран депутатом Верховного Совета СССР, стал Героем Социалистического Труда. Колхозный бригадир Клепиков — кандидат в члены Центрального Комитета КПСС.

Бывал я у Клепикова и весной, и летом, когда в саду собирали яблоки, в дни уборки трудных хлебов, и совсем недавно, поздно осенью, когда соседи еще копали свеклу, а четвертая бригада спокойно добивала зябь, готовилась к зиме и к весне одновременно. Приезжал поневоле в разные времена сельскохозяйственного года с надеждой попасть более удачно, когда меньше работы, чтобы бригадира не тяготила встреча, чтобы никуда он наконец-то не торопился. Напрасная надежда: Михаил Иванович снова и снова, даже удачно убравшись, был занят. Бригада, если и знает передышки, то недолгие. Такова уж она, доля настоящих хозяев земли. Озабоченность. Постоянная. Качество это — наипервейшая особенность бригады Клепикова. Чувство ответственности обостренное. Совестливость иначе. Председатель усть-лабинского колхоза «Кубань» Сидоренко редко — разве что с гостями и делегациями — заезжает в свою четвертую бригаду. Он за нее спокоен. Иван Тимофеевич объясняет такую уверенность просто:

— Михаил Иванович — коммунист еще и в том смысле, что он живет интересами общественными, они для него не как бы личные, а действительно личные. Человек с государственным взглядом на все, даже на самые повседневные дела. Для него и за бригадной межой своя земля, и там его личный интерес...

Чувствовать такую вот ответственность за дела в бригаде, в районе, в крае не дар божий, а черта характера благоприобретенная. Я знаю (он сам мне говорил), что ему, Клепикову, больно, всегда физически больно, когда он сталкивается с равнодушием к человеку, к земле, к порученному, к плодам труда. В бригаде такого он не позволяет. Тут Клепиков яростен и нетерпим. Или — или. Или будь человеком и делай, как лучше, или ступай на все четыре стороны. Допуская, что нет людей одинаковых, шитых по одной мерке, он не прощает одного отклонения — бессовестного отношения к делу бригады и к земле. Свою нетерпимость бригадир меньше всего декларирует, он, очевидно, знает несколько слов, после которых бракоделу (не только в поле, но и в жизни), пойманному с поличным, не остается выбора. Не судья, не просто начальник, но авторитет. Причем безусловный. С пятнадцати лет на тракторе — это хоть для кого звучит. И до сих пор в хлопотах день и ночь. Да, он депутат, депутат и хлебороб. Да, он кандидат в члены ЦК и отличный механизатор, для которого никакая машина не секрет. Убеждает именно это, бригадир-то свой, владеет конкретным делом и требует конкретного от других. Только конкретного. Такое вроде бы и доступно пониманию каждого, но и трудно исповедовать в повседневности... Согласен, трудно. Вот почему не любой способен удержаться в бригаде Клепикова. А кто прижился, тот приобщен к власти над землей. И сам познал ее власть — сладкую власть земли. И разделяет какой уж год славу «четвертой гвардейской», славу бригады М. И. Клепикова.

В минувшем году урожай был особенно хорош. Я помню самое начало уборки. Время валить ячмень, а дожди не давали комбайнерам даже сунуться в поле... Потом ворвалось солнце, и уже ни капли не упало, пока не убрались, не отмолотились. Повезло с погодой. Усть-лабинцы за минувшую пятилетку словно бы окончили все вместе, все разом академию,— так окрепла экономика района, так много было проверено и внедрено нового, так хороши перспективы на будущее. Краснодарский край и в целом-то отличился, недаром отныне он дважды кавалер ордена Ленина! Но Усть-Лабинский район даже в таком зерновом крае можно считать **хлебным полюсом.** Не без удовольствия называл цифры выполненной пятилетки первый секретарь Усть-Лабинского райкома партии, Герой Социалистического Труда Александр Афанасьевич Пахомов. Вот некоторые из них:

— государству за пять лет продано почти полмиллиона тонн зерна;

— озимой пшеницы в 1970 году намолочено по 47,5 центнера с гектара;

— кукурузы в зерне собрали почти по 40 центнеров с гектара;

— подсолнечника взяли по 23,6 центнера с гектара.

Площади в районе огромны. Только под зерном около шестидесяти тысяч гектаров. А

главное, год на год не приходится. И тут интересно сравнить две пятилетки: минувшую (1966—1970 гг.) и позапрошлую (1961—1965 гг.). Так вот, в предыдущей пятилетке среднегодовой урожай зерна составил около 32 центнеров с гектара. (По краю урожай был еще ниже.) А среднегодовой урожай за 1966—1970 годы превысил 37 центнеров. Значит, плюс 5,3 центнера зерна с каждого гектара (озимой пшеницы почти плюс 6 центнеров!) — такова цена страстного желания быть первыми.

...Александр Афанасьевич, ничего не скажешь, своеобразно готовил меня к поездке в бригаду Клепикова! Смысл его преамбулы совершенно ясен: Клепиков отнюдь не одиночка, выскочивший чудесным образом вперед. Не калиф на час. Даже никакой не «маяк». Клепиковская бригада — сильнейшая закваска, бродило. И не районного масштаба, а, пожалуй, всесоюзного. И работа в бригаде отлажена образцово, и организация труда на сегодняшнем этапе весьма эффективна. Но он, первым поднявшийся в атаку, сегодня идет вперед не один — в этом суть. А в результате, как и следовало ожидать, секретарь райкома партии меньше всего говорит о самом Клепикове, и речь его даже не о выдающемся колхозе «Кубань», но о районе в целом. Имеет нынче товарищ Пахомов такую возможность — говорить о районе. И как тут не повториться — хлебный полюс! Посудите сами. Всего их, бригад вроде клепиковской,— 48. В шести из них урожай зерновых перевалил за 50 центнеров. В двадцати семи намолот свыше 46 центнеров — до 50. Остальные намолотили не менее 44 центнеров с гектара. Ниже нет. А это значит, что клич Михаила Ивановича Клепикова, инициатора всесоюзного соревнования за высокую культуру земледелия, услышан был прежде всего в районе.

Но каждый шаг вперед — это всегда новая трудность, новое осложнение. «Худшее» хозяйство района вырастило по 43 центнера зерна! Но, помилуйте, такой урожай еще недавно был мечтой, победой немногих, быть может, сначала победой одной лишь бригады Клепикова.

— А кого же я должен назвать теперь отстающим? — резонно спрашивает Александр Афанасьевич.— Да, в районе есть примеры рекордных урожаев, но это не рекорды, а закономерность. Это результат определенной работы — политической, агрономической и прочей. Ситуация осложняется именно тем, что изменения в экономике ведут к изменениям в работе с массами. Нельзя отныне называть отстающим, нельзя ругать бригадира, собравшего самый низкий урожай в районе — сорок три центнера с гектара! Но жизнь-то идет вперед, и нельзя молчать о хозяйствах, которые до сих пор получают меньше пятидесяти центнеров. Почему? Да потому, что шесть бригад уже получают больше! Следовательно, надо не «ругать» и не «призывать», а учить. Мастерству учить. Вот ведь парадокс: при высоком урожае работать стало труднее! Нелегко было району подойти к урожаю в пятьдесят центнеров, куда сложнее теперь всем районом перешагнуть этот рубеж. Разумеется, эти новые трудности приятнее прежних. И коммунисты района готовы идти дальше. И тут впереди снова наш Клепиков.

Новый девиз его бригады: «Умеешь сам — научи соседа».

Вот к чему вел разговор Пахомов. Качественно иные задачи стоят перед райкомом.

Несколько лет назад бригада Клепикова, первой в стране начавшая борьбу за культуру земледелия, довольно энергично шефствовала над соседней бригадой своего колхоза — над пятой. Разбудили, короче говоря, пятую. Где надо, и сами работали, не давали спать и подшефным. Не только дурной пример заразителен. И вот нынче уже второй год подряд пятая намолачивает свыше 55 центнеров пшеницы с гектара. А подсолнечника, кажется, даже больше, чем «четвертая гвардейская»,— по 38 центнеров! И теперь Михаил Иванович Третьяков, бригадир пятой, стал примером для других. А Клепиков? Он ушел дальше. Теперь он, как говорится, обратил свой взор в иную сторону. В сторону первой бригады. И увидел: люди там нехотя за землей ухаживают. Соседей словно не интересует, как работает его, четвертая. Попросил восемьдесят гектаров под свеклу, послал перепахать их как следует Мишу Ляшенко. Тот помучился, поругался, но перепахал поле заново. Посеяли — и, как водится, вовлекли соседей в состязание. То лето напролет делали все, как ребята Клепикова. И что же? Клепиков накопал по 540 центнеров свеклы, а первая бригада — 508. Меньше, но ведь пятьсот да еще с лишним! У людей из первой в ту осень аж «очи повылазили», сами себе не верят. А в этом году как? Пошел ли урок осознанного труда на пользу? Бригада № 1 накопала по 560 центнеров! «Ах, вы, барбосы, где же вы раньше были! — радуется Михаил Иванович.— Догоняют нас, вот ведь люди...»

Но это присказка — сказка впереди. Нынешний год с именем Клепикова часто связывают успехи еще одной бригады — бригады № 2. На этот раз «чужого» колхоза — «Красный Октябрь». Поля «Кубани» и «Красного Октября» разделяет шоссе, бригады живут по соседству — через межу. Межа эта до последнего года пятилетки была неодолимой стеной, жили по принципу: ни мы в гости, ни они к нам... Земля та же. Земля и по ту сторону шоссе и по эту — одна, кубанская. Но здесь — Клепиков. Здесь урожаи, здесь делегации, киносъемка и работа не за страх, а за совесть, высокая оплата труда. А в бригаде № 2 «Красного Октября», как и во всем колхозе, работали абы день прошел. Все так, да не так. Тихо — ни тебе собраний, ни делегаций, ни той самой культуры земледелия, о которой радио надрывается, и, как результат,— урожаи былого среднекубанского уровня. Признаться, соседи и не слыхали поначалу о новом кличе Клепикова «Умеешь сам — научи другого». Но вот нагрянули к ихнему бригадиру гости — оттуда, из-за шоссе. Приехали после того, как у себя в четвертой провели собрание коммунистов, и сразу — к Виктору Евдокимовичу Нечаеву. Всем «штабом»: Михаил Иванович собственной персоной, секретарь бригадной парторганизации Иван Владимирович Чечетин, заслуженный агроном РСФСР Василий Федорович Тищенко и механик Владимир Иванович Вихров. Хозяев можно было понять, они и сами казаки: в гости милости просим, а уж учить... Собрались, чтобы поговорить. Михаил Иванович изложил суть: межа не стена, ее и перешагнуть можно, а чтобы не топтаться на месте в смысле технологии, агротехники и урожаев да и общей культуры, давайте по-соседски жить. Чтобы успехом не кичиться, а где надо, так и вместе дело делать. Скучно ходить в середнячках! Неинтересно. Какая работа, такой и заработок...

И тут помогли, как это часто случается, женщины: «Наши мужики пахать разучились! А свеклу сеют так, что ее до осени не прорвешь, поэтому и заработки такие...» С женщин началось, а дальше заговорило ретивое и у мужиков: техники маловато, старье, а не машины... Но самое интересное, думается, было после того, как собрание разошлось. Михаил Иванович, говорят, с глазу на глаз потолковал с Нечаевым. О чем? Кто же теперь узнает. Только ясно, что Нечаев проявил полное понимание ситуации, и хоть горяч порой бывает не в меру, но понял Виктор Евдокимович в тот январский день главное — нельзя больше жить, как жил прежде сам, как жила его бригада. И стыдно, и скучно, и время не позволяет. Соседи, их пример, их слава не дадут нечаевцам жить по-старому.

А потом была весна, лето было. Забот, как можно догадаться, у Клепикова прибавилось. Он говорить не мастер. Точнее, не любитель Михаил Иванович поучать, читать нотации, а вот мастерством растолковать, что к чему в машине, в агротехнике, он, напротив, владеет. Тут, видно, призвание. О регулировке лапок культиватора рассказывает так, что заслушаешься. И заслушиваются все, кто приезжает в бригаду Клепикова. Да ведь никто из «Красного Октября» ни разу не был здесь — в «четвертой гвардейской». Сами, мол, с усами... Извечная ошибка гордыни и нелюбознательности.

Мы побывали с Михаилом Ивановичем у Нечаева — и в бригаде и дома. Клепикова здесь теперь не просто знают, но уважают. Еще бы! В люди вывел. Бригада В. Е. Нечаева вырастила нынче озимой пшеницы даже больше, чем соседи,— на один центнер, правда, но ведь больше! Удача? Не только. Сказались разбуженные силы. И Клепиков рад: сам, наверное, не надеялся добиться перелома за год.

— А свеклу, Михаил Иванович, кончаем. Не меньше вашего накопали! — И я вижу, как Нечаев легко обнимает гостя, тискает ему бока. Он очень какой-то открытый всякой радости, приветливый и внимательный, Виктор Евдокимович. Говорят, другим человек стал. Успехи окрыляют, помогают найти себя. Нечаев, надеюсь, нашел себя. Он тревожно рассказывает о том, что полевой стан у них беден. «А мастерскую придется пристраивать». Потом, уже дома, за яблоками, они долго беседовали с Клепиковым. Есть ли предел урожаям?

— Нет его, предела,— убежден Михаил Иванович.— Будет кубанский гектар и сто центнеров давать. Сорта новые — раз, удобрения — два, уход — три... Лимитирует что? Плохая организация, несовершенные машины. И влаги иной раз мало, но зато дождевание будет, орошение...

Они примерялись к будущему, бывшие незнакомцы, соседи, теперь побратимы. И снова разговор о земле, о земном. Клепиков говорил о чувстве хозяина — без него человека нет. О мелочах, которые помогают взять дополнительные центнеры с того же гектара в тех же условиях. Я видел в его бригаде под тополями стальной лист, на который вкатывают культиватор перед отладкой лапок. Это, оказывается, ювелирная работа. Она обязательна в бригаде Клепикова, но кто еще придает значение подобному главному — миллиметрам,— что предшествует обработке свекольных плантаций? ЧТО делать, Нечаев знал и прежде. Нынче Клепиков и его механизаторы показали, КАК делать. Работой Александра Ивановича Марченко, Андрея Ефимовича Жолобко, Михаила Алексеевича Смуся, Виктора Ивановича Харина и других гвардейцев из четвертой восхищался весь колхоз «Красный Октябрь». Это были не гастроли, а именно работа. На чужом поле, как на своем. По совести.

— Мы им, как Тарасов в хоккее, навязали свою игру! — смеется Михаил Иванович.— Наше участие в будничных делах, само отношение к делу весь колхоз перевернуло. Теперь сам Нечаев помогает другим своим бригадам. А ведь помогать другим — для этого и время и желание нужно... Нет, нельзя тихо жить. Без новизны в мыслях, в работе. Наш колхоз на науку тратит до десяти тысяч рублей в год. Окупается! И еще как... На наших полях и фермах пять человек защитились, получили ученые степени. Тут взаимное обогащение. Тоже вроде через межу шагнули, которая раньше разделяла пашню и лабораторию.

Точная мысль. И очень современная по своей сути. Ее, эту мысль Клепикова, дополнил днем позже председатель колхоза Иван Тимофеевич Сидоренко — он заслуженный агроном республики:

— То, что сделали Клепиков и его бригада у соседей,— явление новое. Принципиально новое. Да, это социалистическое соревнование. Но подобная форма до сих пор была незнакома нам. У нового движения совсем иные общественные корни. Надо бы присмотреться к тому, что произошло. Не цифры сравнивать — было и стало,— а заглянуть в суть такого явления, когда мастер совершенно бескорыстно шагает в сторону не то чтобы просто отстающего, просто подшефного, а в сторону человека, который в силу тех или иных причин не умеет работать на уровне достигнутого наукой и передовой практикой...

В самом деле, почему для одного ударный труд, шлифующий и сам по себе мастерство мастера, естествен, как вдох и выдох, а для другого, рядом работающего, он вроде бы и ни к чему и не обязателен? Почему смиряется, почему апатичен человек, почему равнодушен — нет, не только к земле, к машине,— но к себе прежде всего? Почему его удовлетворяет такая жизнь, «тихая», по выражению Клепикова, без каждодневной новизны, без человеческого, подлинно коммунистического отношения к делу, к окружающей действительности? Их много, вопросов, заданных ярким эпизодом из жизни бригады Михаила Ивановича Клепикова. На все эти «почему» сам он, коммунист, отвечает просто. Люди когда-то утратили интерес, теперь их надо увлечь конкретным делом, которое неизбежно даст плоды. Ведь за последние годы иными стали экономические условия труда, самой жизни в деревне, особенно в такой, как кубанская. Да теперь уже вовсе не деревня, например, Усть-Лабинск, а колхозный город.

Клепиков прав. Иной за пять последних лет стала техническая оснащенность колхозов района. На 100 гектаров она возросла в 2 раза, а на одного трудоспособного даже больше. Машин — тракторов, комбайнов, самоходных шасси — стало вдвое больше. Главное же, возросла энерговооруженность — втрое по сравнению с 1965 годом. Если под урожай 1965 года внесли около 100 тысяч тонн удобрений, то под урожай 1970 года — уже 275 тысяч тонн. Теперь строго соблюдаются и севообороты. А по примеру бригады Клепикова через межу к соседям, работающим неэффективно и безынтересно, шагнули еще 14 бригад! Вот почему помощь Клепикова не жест доброго одиночки, а социальное явление, движение за труд заинтересованный, эффективный.

Вот, пожалуй, и все о новом в жизни «четвертой гвардейской». Побывать у Клепикова в бригаде и на этот раз оказалось полезно и поучительно. Живое дело! Живое и большое, как загорелый на солнце кубанский колос,— зерно к зерну. И колос к колосу — нива сильная, щедрая. Наша нива. Наше поле: человек к человеку, в один ряд. В этом новь старой Усть-Лабы.

В доме у В. Е. Нечаева (в центре) гости из колхоза «Кубань» — агроном В. Ф. Тищенко (слева) и М. И. Клепиков.

ПО ДОРОГЕ ЛЮБ

Анатолий КАЛИНИН

* * *

Н. И. Селивановой.

Со звоном шпор посеребренных
И с тонкой статью на коне
В иное время вы вполне
Могли б сойти за амазонку,
Но это было на войне.
И не лампасов, а пожаров
Свергалась бурная волна
С густого неба и бежала
По вашим синим шароварам,
Спадая вниз на стремена.
И даже сам казак завзятый
Не смел при случае сказать,
Что там, под буркою крылатой,
Летит, отвагою объятый,
В седле высоком не казак.
Когда ж, с погонами по чину,
В папахе, сдвинутой на бровь,
С глазами иссиня-стальными
В блиндаж входили вы, мужчины
Смолкали сразу про любовь.
С мужскою долею обвенчаны,
Иной не ведая игры
На этой, горем изувеченной
Земле, одна в себе вы женщину
Не признавали до поры,
Пока вот так же из барханов,
И так же шпорами звеня,
Не появился Селиванов,
Чтоб взять при зареве багряном
За чамбур вашего коня.

* * *

Здравствуй, здравствуй опять,
Эльбрус,
Солнцем осени озаренный,
Я опять тебя вижу... Пусть
Я сегодня уже не берусь
До твоей добраться короны.

Мне по этому поводу грусть
Не укрыть от тебя, Мингитау [1].
Ни за что я не доберусь
До нее, как бывало с Беталом,
Потому что сердце устало.

Не дойду, как бывало... С утра
Начиная свой путь от Черека [2],
Помнишь, Тысячная гора [3],
Это было еще вчера,
А прошло уже четверть века.

Не согласен я все равно,
Что вообще по твоим уступам
Мне отныне ходить не дано,
До седла твоего, как давно,
За моим кунаком Юсупом.

Невпопад мое сердце стучит,
А стучать ему будто рано.
Но привез я его на ключи
От усталости этой лечить,
На ключи твоего нарзана.

И, конечно, опять, Эльбрус,
До короны твоей двуглавой
Обязательно я дотянусь,
Только силы опять наберусь...
Только вот Бетала не стало.

[1] Одно из названий Эльбруса.
[2] Селение в горах Кабардино-Балкарии.
[3] Эльбрус.

* * *

Уже я уставал
От этой англо-русской,
С узором мавританского резца,
Надменной старины
Изысканной, безвкусной
Под крышей Воронцовского дворца;
Уже меня извел
И голос этот нудный
Экскурсовода нашего, пока
За ним я не набрел
На мраморное чудо
С улыбкой, сбереженной на века.
Все изменилось вдруг
И встрепенулось сразу,
И явственно сумел я уловить
Витавшее вокруг,
Подвластное приказу
Из этих самых уст: «Гори, письмо
любви».
По стенам зал
Блеснуло, пробежало
И замерло во мне и для меня,
Толпы глазеющей
Не стало в залах,
И мрамор запылал
При тусклом свете дня.
И тем же страхом вновь
Наместного вельможи
Придворное лицо искажено,
Что не горит любовь
В том пламени тревожном,
Которому письмо обречено.
И вот уже дворец
При этом озарении
Представился в пропорциях своих,
Как той любви венец
И совершенство гения
Каменотесов русских, крепостных.

* * *

Сенокоса пора
На пороге июньского леса,
По колени стоящего
В чистой траве луговой,
Затянула с утра
В ароматы зеленого детства,
По росе шелестящего
Быстрою пяткой босой.
Или это в трепещущей
Дымке оранжевой,
Зацепив с полевого стана
Сенокоски свои на заре,
Не чужая мне женщина,
А ты, моя ранняя,
Управляешься с планом
За всех фронтовых косарей?
И тогда уже просто
Вернуться в июнь сорок пятого,
Только радостным взором
И стоит еще приналечь:
Навалились на косы,
Из вагонов попрыгав, солдаты,
На бегу гимнастерки
Срывая защитные с плеч.
А когда уже к вечеру,
До пояса все золоченые,
Отмахают герои
По лугу до самых берез,
То не лес им навстречу
Толпой забелеет, а жены
Принесут им парное
Молоко из села на покос.
И любому, кто в это
Не поверит, без всяких усилий
Я ответить сумею
Наотрез на закатном лугу,
Что иначе ведь летом
Никогда и не пахнет Россия,
И недаром же ею
Надышаться и я не могу.

* * *

Через Курск проезжая,
Опять посыпаю я рану
Пеплом памяти горьким
Из урны ушедших времен,
По перрону блуждая,
Ищу, поддаваясь обману,
Хоть и знаю бесспорно:
Не выйдешь уже на перрон.

И наивной надежде
Поддаться легко без оглядки,
Если тот, кто и знает,
Обману подобному рад.
Если те ж, что и прежде,
Соловьи не смолкают в посадке,
И еще ведь, бывает,
Находят безвестных солдат.

Между тем повторяют
Уже на перроне пустынном,
Что тринадцатый скорый
Уходит уже на Ростов
От земли, где вздыхает,
О тебе вспоминая, Мартынов [1],
И, конечно, без скорби
Тебя вспоминает Борзов [2].

Несмотря и на это,
С тобою я полночь встречаю
В этом поезде вешнем
И чутком к беседе друзей,
Заливающем светом
По дороге любви и печали
И листающем бережно
Теплую книгу полей.

[1], [2] — Противоборствующие герои произведений В. Овечкина.

ВИ И ПЕЧАЛИ

Со страниц шелестящих
Так и веет истомою чистой
И, покамест клекочет
Над полями твоими весна,
На парующей пашне
Отдыхают твои трактористы,
А из пахотных строчек
Прорастают твои семена.

А с опушек лесных
На свет выбегают березы,
Сея лиственный снег,
На одной отставая ноге
По откосам косым,
Где висят соловьиные гроздья
Над могилами тех,
Кто сражался на Курской дуге.

* * *

Вот я и потерял
Тебя, мой черный,
Мой скособоченный,
С надломленным крылом,
Недаром Карлом
Как-то нареченный
Моею дочерью,
Двенадцатым притом.
Вот и остался я
С бравадой звонкой,
Что в веки вечные
Тебе уж не суметь
С своим безжалостно,
Не иначе, подонком
Так изувеченным,
Крылом своим взлететь.
А тут еще печаль
С любимою женою.
Ее ж и успокой,
Пожалуйста, теперь
С ее нечаянной
И все же ее виною,
Что плотно за собой
Не притворила дверь.
А ты и подстерег,
Недолго размышляя,
И, старое перо
Роняя на лету,
Махнул через порог,
Кренясь и набирая
Хромающим крылом
Все круче высоту,
Бессовестно сбежав
Из той своей вольеры,
Что нынешней весной,
Не покладая рук,
Тебе сооружал
Из сетки и фанеры
Не кто-нибудь иной,
А кандидат наук.
И вот теперь с утра,
Надежды не теряя,
Спешу, как на пожар,
К пролету я грачей
На пост среди двора,
Тебя подстерегая,
Как будто я радар
С экранами очей.
И с тех ночующих
На острове пернатых,
Летящих через Дон,
Я взора не свожу,
И к каждому грачу,
Что к вечеру обратно
Слетаются на сон,
Опять я выхожу.
А стоит одному,
Мою смущая душу,
Совсем немного вдруг
Замедлить свой полет,
И я кричу ему
Отчаянно: — Карлуша!
И надо мной вокруг
Смеется весь народ.
Неблагодарный карлик,
Черный, черный,
С когтями синими,
Однажды невзначай
И все-таки недаром
Нареченный
Вот этим именем,
Нелепым для грача.
Тебя ли не лечил,
Тебя ли я не холил
И со стола таскал
Я лучшие куски,
С тобой ли не делил
По-братски я неволю,
Когда ты тосковал,
Линяя от тоски?!
И где бы ты нашел
Подобные примеры,
Когда с небрежностью
Как должному внимал
Под нашим кудряшом,
Когда Борис Примеров
С улыбкой нежною
Стихи тебе читал.
И все-таки втайнé
Я радуюсь такому
Побегу твоему,
Хотя я и грущу,
Все громче и во мне
Гремят аэродромы
И что-то, не пойму,
Все время я ищу.
А если и сержусь
Я на тебя немного,
То это сгоряча,
И это я на вид,
И это я боюсь,
Что в дальнюю дорогу
Пора уже грачам,
А ты ведь инвалид.
И тоже в этот путь
Влекомый властной силой
По звездам Млечности,
Забудешь ты о том,
Что вряд ли дотянуть
До Ганга или Нила
Дорогой Вечности
С хромающим крылом.
Но если, с высоты
Подоблачной срываясь,
Начнешь ты уставать
На раненом плече,
Лети, Карлуша, ты
Обратно, возвращаясь
Со мною зимовать
До будущих грачей.

Рисунок И. БЛИОХА.

ШМАРИНОВ

А. Д. ЧЕГОДАЕВ,
доктор искусствоведения

Входя на большую ретроспективную выставку работ Дементия Алексеевича Шмаринова, открывшуюся в Москве в ноябре 1970 года, а в Ленинграде—в январе 1971-го, вы могли сразу с необычайной отчетливостью ощутить покоряющее чувство душевного богатства, рожденное редкостным сочетанием в его творчестве эмоциональной и интеллектуальной насыщенности, тем счастливым соединением «ума наблюдений» и «замет сердца», которое не так уж часто встречается даже у самых глубоких и сильных художников.

Действительно, Шмаринов вошел в советское искусство в начале 1930-х годов как достойный продолжатель высокой традиции, утвержденной к тому времени в советской графике Фаворским, Купреяновым, С. Герасимовым. Но свое ученичество у них (не в буквальном, а в общем идейном и художественном смысле) он сразу сумел переплавить в глубоко самобытный и оригинальный художественный строй и художественный язык, идеально отвечающий его творческой программе. Шмаринову было 28 лет, когда он создал иллюстрации к «Преступлению и наказанию» Достоевского, сразу сделавшие художника одним из крупнейших и ведущих мастеров богатой талантами советской графики, и захватывающая сила этих замечательных рисунков стала со временем только еще более сконцентрированной, глубокой и резкой. Создав этот цикл, Шмаринов прибавил еще одно звено к блестящей цепи открытий в русской графике — творениям Врубеля, Серова, Бенуа, Лансере, Добужинского, Фаворского и других, во многом определив дальнейший поступательный ход развития искусства книги.

Уже Фаворский весомо и зримо формулировал непреложный закон для всякого настоящего творца книжной графики, заключенный в том, что задачей художника-иллюстратора должно быть переложение в зрительные образы всех реальных идейных и художественных качеств литературного произведения, продуманных и оцененных глазами нашего времени. Этот закон полностью исключал какую бы то ни было подделку под чужой язык, стилизацию чьих-либо формальных приемов, поверхностное скольжение по внешним сюжетным приметам текста, как и безразличное к тексту узкоэгоистическое «самовыражение» художника. Я думаю, что тем самым художник-иллюстратор приравнивался к театральному режиссеру, подобно Станиславскому, Вахтангову или Мейерхольду,— режиссеру, продуманно организующему целостный спектакль, в котором каждый актер заботится о наиболее полноценном раскрытии всех человеческих качеств своего героя.

Шмаринов более чем кто-либо другой приблизил графику к театру, но не в смысле, конечно, каких-либо внешних эффектов дурной «театральности», а в смысле всем видимого глубокого раскрытия душевной жизни героев книги, глубокой психологической характеристики их состояний, действий, стремлений, их столкновений друг с другом и связывающего их всех единого драматического действия, проходящего сквозь серию рисунков с такой же мерой выразительности и наглядности, как и в литературном тексте. Шмаринов ввел крупноплановые «портретные» изображения литературных героев, ввел поразительные по своей образной наполненности изображения пейзажной или интерьерной среды, окружающей людей, разработал приемы передачи сквозного драматического действия.

Все это с редкой зрелостью и с огромной душевной взволнованностью было воплощено в рисунках к «Преступлению и наказанию», а потом с такой же строгой простотой, в самых разнообразных оттенках настроения и эмоционального состояния, в самых разных вариациях пространства и времени было разработано и раскрыто в рисунках к Пушкину («Повести Белкина»), Алексею Толстому («Петр Первый»), Лермонтову («Герой нашего времени»), Некрасову («Стихотворения и поэмы»), Льву Толстому («Война и мир»), Шекспиру («Ромео и Джульетта» и «Двенадцатая ночь»), Гоголю («Тарас Бульба»). Я назвал только самые важные и самые совершенные работы Шмаринова в книжной графике. Когда все эти бесчисленные драматические композиции, выполненные углем и черной или цветной акварелью, собрались вместе (притом в очень строгом отборе!) на выставке Д. А. Шмаринова, то даже давно знакомые, успевшие стать классическими рисунки вспыхнули ярким светом, отраженные и преломленные в работах, разделенных десятками лет, и слившиеся в единый оркестр, в единую прекрасную симфонию, пленяющую не только своим мастерством, но своей глубокой человечностью.

Каждый зал этой выставки заключал свой, контрастный к другим, «спектакль», свою сложную и развернутую драматическую ситуацию. Такими были зал «Войны и мира», зал «Преступления и наказания», зал «Петра Первого», «Двенадцатой ночи» или «Тараса Бульбы». Но все эти впечатляющие циклы рисунков, все эти драматические «представления» объединяло одно, общее для всех и самое главное качество художественного дара Шмаринова: во всех «оживленных» им литературных произведениях, во всех эпохах и временах русской и мировой истории он всегда искал и ищет *важнейшие человеческие ценности*, важнейший гуманистический смысл борьбы света и тени, добра и зла, нового и старого. Каждая его работа — это не только воссоздание эпохи и людей, в ней живших, их чувств, побуждений и мыслей, но и *оценка* нравственных, идейных, социально-психологических качеств и ценностей эпохи и ее движущих сил с позиции художника нашего времени — второй половины двадцатого века. Это одинаково относится и к шекспировской Италии эпохи Возрождения, и к временам Петра Великого или войны 1812 года, и к любому другому историческому или современному периоду, к которому обращается Шмаринов. Поэтому прочтение Шекспира или Толстого, Пушкина или Достоевского превращается у мастера из литературной экскурсии в подлинное и глубокое переживание и осмысление душевного опыта и душевного богатства прошлого.

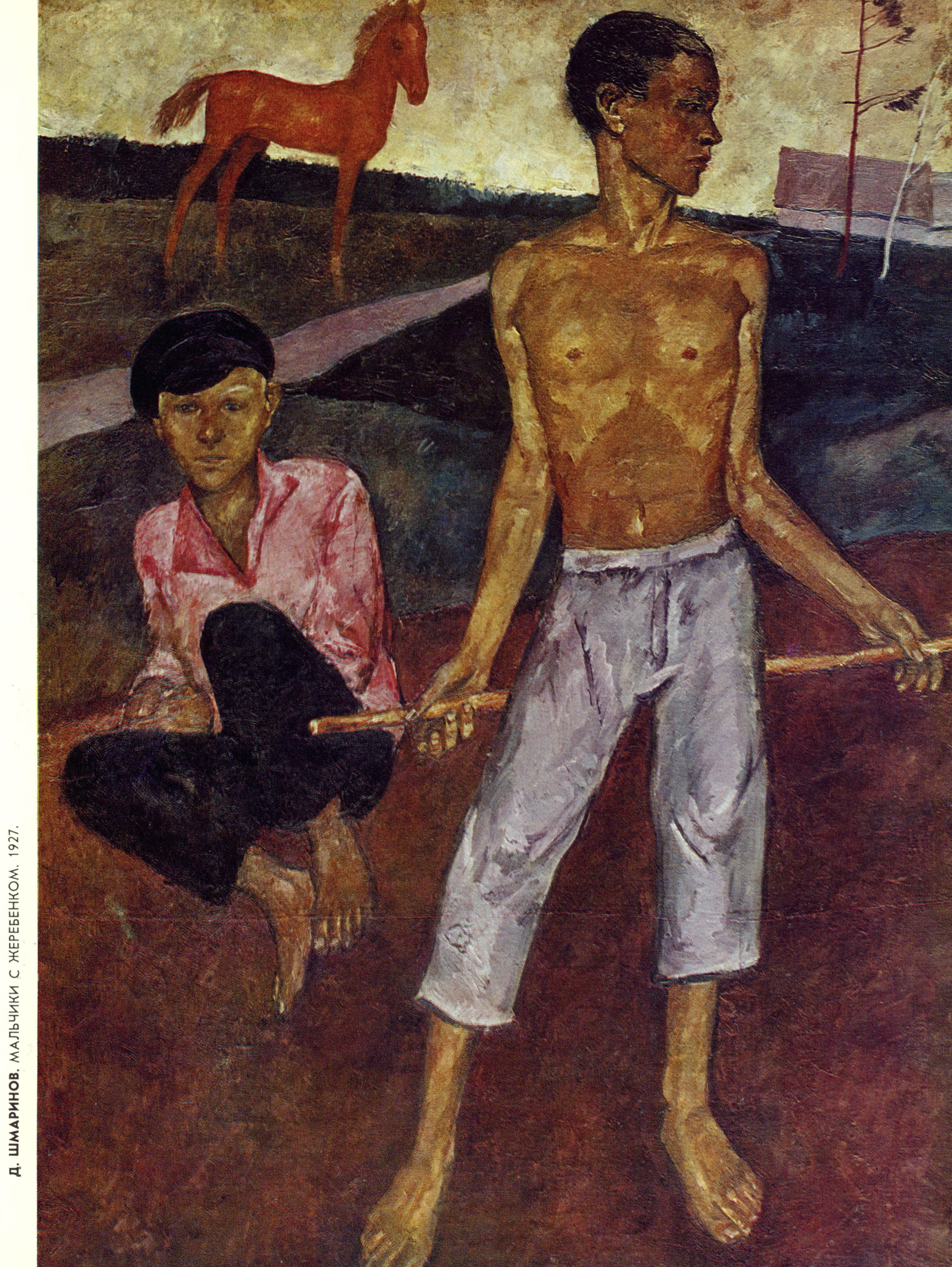
Именно эта зоркость к человеческим ценностям истории позволила Шмаринову стать в годы Великой Отечественной войны подлинным *художником современности*. Кроме, быть может, «Обороны Севастополя» Дейнеки, я не знаю в советском искусстве военных лет ничего равного шмариновским рисункам из серии «Не забудем, не простим». Их гнев и их боль не угасают с ходом десятилетий. Рисунки действительно отвечают своему назначению, не давая чувствам тех лет подернуться какой-либо смягчающей дымкой. Под стать этим рисункам и плакаты Шмаринова того времени, скорбные, гневные или радостные, но прежде всего бесконечно живые и человечные.

Шмаринов начал как живописец. И впервые за сорок лет он показал на выставке свои картины двадцатых годов — «Мальчики с жеребенком», «Пастух», простые, строгие и вместе с тем поэтически нежные. Они несли в себе много обещаний. В частности, обещание верного постижения светоносной силы цвета, в том числе и в бесконечных градациях черного, серого, белого шмариновской графики последующих лет. Живописная стихия присутствует во всех рисунках Шмаринова не только цветных, но и черно-белых, от «Преступления и наказания» середины тридцатых годов до недавно законченных иллюстраций к «Тарасу Бульбе». Она не противостоит, но сливается воедино с мастерством рисунка, мастерством пластической лепки формы предельно скупыми, но безупречно точными, смелыми и при этом деликатными прикосновениями карандаша или кисти. Шмариновская графика необыкновенно выигрывает в очень сильном увеличении — на экране кинематографа или в фотографии сколь угодно огромных размеров: абсолютная точность немногих мельчайших штрихов, соединенная с их свободной естественностью и непосредственностью, создает в огромном увеличении ощущение монументальной росписи, не знающей, как и подлинная графика, ни доделок, ни переписываний, ни ретуши.

Именно этими быстрыми, уверенными, предельно экономными и лаконичными ударами угля или черной акварели сотканы такие драматически взволнованные, бесконечно содержательные, потрясающие своей правдивостью и своей сердечностью человеческие образы, как Наташа Ростова после смерти князя Андрея, как погруженный в раздумье над книгой Пьер Безухов, как Печорин перед дуэлью или сестра Петра царевна Наталья. К героям шмариновских рисунков привыкаешь, как к живым людям. Трудно представить себе, что Наташу Ростову понадобится когда-нибудь нарисовать по-другому, иначе, чем нарисовал ее Шмаринов. Все его толстовские образы созданы на основе глубочайшего подчинения Толстому, но поняты не раболепно, а в полноправном соревновании с писателем. И далеко не всякие художники выдерживают подобные соревнования! Их выдерживали великие художники прошлого — Делакруа и Эдуард Мане, Врубель и Серов, Бенуа и Фаворский. Их пример побуждает к высшему творческому напряжению и художников более молодых поколений.

Только таким художникам-иллюстраторам, заботящимся прежде всего не о себе, а о писателе и читателях, принадлежит будущее, как и подлинная благодарность потомков и современников. Я не думаю, что в этот ряд может войти какой-либо художник, относящийся к книге и заключенному в ней литературному творению только как к поводу для демонстрирования своей собственной особы, с собственными произвольными ассоциациями по поводу текста или раз навсегда выученными декоративными эффектами, не имеющими к литературному тексту никакого отношения.

Д. А. Шмаринов очень много сделал для будущих путей советской графики. Ему обязаны важнейшими своими достоинствами многие крупнейшие советские мастера последних десяти — пятнадцати лет: В. Н. Горяев, Д. А. Дубинский, Б. М. Басов, В. Н. Минаев и другие. Но глубокое воздействие его искусства потому и возможно, что оно несет в себе не только большое мастерство, но и большое человеческое содержание, как это показала воочию выставка мастера. Такие качества не угасают и не меркнут во времени, напротив, их великая ценность и их притягательная сила с ходом времени лишь углубляются и возрастают.

Д. ШМАРИНОВ. МАЛЬЧИКИ С ЖЕРЕБЕНКОМ. 1927.

Д. ШМАРИНОВ. ОСТАП ВО ГЛАВЕ СВОЕЙ СОТНИ. 1969.

Иллюстрации к повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

Д. ШМАРИНОВ. ЛЕТО. 1970.

ПРАЗДНИК В ДОМЕ КАПУЛЕТТИ. 1959—1961.
Иллюстрации к трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта».

ЕГО ПРЕПОХАБИЕ КАПИТАЛ

НЕВИДИМКА ИЗ ЛАС-ВЕГАСА

Мэлор СТУРУА

Поздно вечером 26 ноября 1970 года в аэропорту Райского острова, жемчужины Багамского архипелага, приземлился четырехмоторный реактивный лайнер «Локхид» без каких-либо опознавательных знаков. К самолету, застывшему в отдалении, подкатили четыре автомобиля и автобус, принадлежащие «Корригэн компани, лимитед». (Лео Корригэн, техасский миллионер, владеет на Райском острове отелем «Изумрудный берег».) Пассажира таинственного «Локхида» встречали Джеймс Голден, шеф частной службы безопасности острова, и американский генеральный консул на Багамах Монтгомери Спирс. Впрочем, слово «встречали» здесь не совсем уместно. Вернее, совсем неуместно, ибо детективу и консулу было велено держаться на расстоянии от почетного гостя. Им не разрешили ни приветствовать его, ни даже разглядеть как следует.

Почетный гость и его свита разместились в лимузинах и поехали в направлении отеля «Британия-бич». По прибытии в отель они, не задерживаясь в холле и минуя обычные формальности, сразу же поднялись на девятый этаж, где для них уже были приготовлены четыре люкса — №№ 925, 926, 927, 928. Толщенная бронированная дверь-плита, выкрашенная в зеленый цвет, отгораживала их от остальных помещений. Перед дверью стояли стражники в штатском. Стражники были из сыскной конторы «Интертел», которая, так же как и «Британия-бич», принадлежит концерну «Ресортс интернейшнл».

Лишь неделю спустя в газете «Лас-Вегас сан» появилась статья ее издателя и редактора Хэнка Гринспана, в которой сообщалось о том, что «самый таинственный и самый богатый человек на земле» Говард Хьюз покинул штат Невада и переселился на Багамы. Эта сенсационная новость потрясла всю Америку — и деловые круги, и бульварную печать, и преступный мир. Первой реакцией на нее прозвучало изумленное и скептическое: «Не может быть!» Со всех концов Соединенных Штатов в Лас-Вегас стали слетаться репортеры и бизнесмены. Они требовали подтверждения или опровержения статьи Гринспана. Один из ближайших советников Хьюза, глава принадлежащего ему синдиката «Невада оперейшнс», Роберт Мэйхью, ограничился лишь стереотипным: «Комментариев не будет».

Но дальше так продолжаться не могло. Назревала паника, грозившая благосостоянию десятков тысяч людей, сотен компаний, экономики целого штата, наконец! (Недаром здесь шутят, что в Неваде отмечают три праздника — дни рождения Джорджа Вашингтона, Авраама Линкольна и Говарда Хьюза.) Поэтому губернатор Поль Лэксалт поспешил обнародовать из своей резиденции в Карсон-сити заявление, в котором говорилось, что, как ему стало известно от Роберта Мэйхью, Говард Хьюз в действительности покинул Лас-Вегас. Пытаясь унять панические слухи, губернатор присовокуплял, что «отсутствие Хьюза носит временный характер. Он лишь выехал из штата, но не покинул его насовсем. Я получил заверения, что этот промышленник вернется в Неваду». Одновременно с прокламацией губернатора рекламной фирмой «Арло Сейдерберг оф Карл Бэйор энд ассошиэйтс» было опубликовано краткое коммюнике, гласившее: «Отвечая на многочисленные запросы печати, представитель «Хьюз тул компани» уполномочен заявить, что Говард Хьюз покинул на прошлой неделе Лас-Вегас и находится в деловой поездке. Он сохранил за собой свои жилые апартаменты в отеле «Пустыня»».

Тем не менее жители Лас-Вегаса с ужасом взирают на погасшие, защторенные окна последнего этажа «Пустыни», где в течение четырех лет безвыездно жил Хьюз и откуда он управлял своей огромной империей, стоящей на трех китах — нефти, самолетостроении и гэмблинге [1].

Здесь нам, однако, следует оговориться: несмотря на официальные заявления губернатора Невады и правления «Хьюз тул компани», несмотря на вышеописанную сцену прибытия таинственного «Локхида» на Райский остров, никто не может утверждать со стопроцентной уверенностью, что ему известно, где находится в данный момент Говард Хьюз. Американский консул, «встречавший» его в аэропорту, признается, что не видел Хьюза в лицо, и добавляет: «Но если бы я даже и видел его, то как бы я мог опознать этого джентльмена, которого не фотографировали на протяжении последних пятнадцати лет?» (Консул совершенно прав. Последняя фотография Хьюза датируется 1956 годом. Даже его портрет, висевший в холле «Пустыни», был «похищен» по приказу таинственного миллиардера. Фотография, опубликованная недавно журналом «Эсквайр», изображающая Хьюза и его жену — бывшую кинозвезду Джейн Петерс у плавательного бассейна, оказалась фальшивкой. Перед камерой позировали манекены, загримированные под чету Хьюзов.)

Когда я попытался дозвониться до люксов 925, 926, 927 и 928 через подстанцию отеля, телефонистка ответила мне, что имеет распоряжение, запрещающее ей связывать эти номера с внешним миром. Единственно, что удалось узнать об апартаментах, отгороженных бронированной плитой от всепроникающего человеческого любопытства, так это их название и солидную цену. Называются они «президентскими» и стоят 250 долларов в день. Но живет ли здесь Говард Хьюз? Вот в чем вопрос. Согласно иным источникам, он остановился не в «Британия-бич», а в отеле «Изумрудный берег» в Нассау. Даже правительство Багамских островов не имеет точных данных на сей счет. Как заявил «правительственный источник», ему известно лишь то, что Хьюз прибыл на острова, но неизвестно, где он остановился...

Не успела улечься первая волна сенсации, как за ней последовала вторая, еще более высокая. Шестого декабря наряд полиции во главе с шерифом Ллойдом Беллом явился в отель «Пустыня» и предъявил его администрации ордер на обыск покинутых Хьюзом апартаментов.

— У нас имеется подозрение, что там было совершено преступление,— сказал шериф. Он был немногословен и не пожелал ответить на вопрос: какое и кем? Однако шериф подтвердил, что обыск связан с таинственным исчезновением Хьюза.

Ордер на обыск был выдан полиции членом Верховного суда штата Невада Томасом О'Донâльдом по требованию главы «Невада оперейшнс» Роберта Мэйхью. Одновременно судья издал распоряжение, запрещающее вице-президенту «Хьюз тул компани» Фрэнку Гэю и нью-йоркскому адвокату Хьюза Честеру Дэвису, который представлял его в делах по нарушению антитрестовского законодательства, вмешиваться в управление невадским бизнесом, принадлежащим «самому богатому человеку на земле». (Кстати, личное состояние Хьюза оценивается в два миллиарда долларов.)

Группа Гэя — Дэвиса немедленно заявила, что она берет в свои руки опеку над семью казино и пятью отелями в Лас-Вегасе, принадлежащими Хьюзу и входящими в группу «Невада оперейшнс». (Ориентировочная стоимость — 300 миллионов долларов.) Представитель этой группы сообщил репортерам, что она действует согласно личному распоряжению Хьюза и что обыск в его апартаментах в «Пустыне» был умышленно спровоцирован «шайкой Мэйхью».

Согласно официальному донесению шерифа Белла, в результате обыска никаких следов преступления обнаружить не удалось. Но зато вскрылось нечто иное, куда более важное. По-видимому, в «империи Хьюза», здоровье которого резко пошатнулось, произошел раскол. Вспыхнула «война за наследство» между основными проконсулами Хьюза, и в эту войну оказались вовлеченными крупнейшие монополии страны, федеральные власти и международные игорные синдикаты...

* * *

Деятельность империи Говарда Роубарда Хьюза окружена не меньшей завесой таинственности, чем личная жизнь ее повелителя. Поскольку львиная доля акций компаний, входящих в эту империю, находится в руках самого Хьюза (игра в «народный капитализм» не в его вкусе), он не обязан публиковать отчеты об их доходах, товарообороте и основном капитале. Хьюз так и поступает. Даже всеведущее и всемогущее Налоговое бюро США, перед которым отчитываются, как перед богом, имеет весьма смутное представление о волшебной стране «Хьюзландии».

[1] Гэмблинг — игорный бизнес.

Попытка нарисовать схему делового кровообращения «Хьюзландии» равнозначна по сложности созданию модели только что открытого и еще не изученного нового члена семейства таблицы Менделеева. В центре такой модели стоит сам Хьюз. Это — единственное, за что можно поручиться с абсолютной точностью. Во всем остальном присутствует элемент вероятности. Подобно великим мира сего, Хьюз «скромен». Формально он обладает всего лишь двумя титулами — президента «Хьюз эйркрафт компани оф Калвер-сити» (штат Калифорния) и попечителя «Медицинского института имени Говарда Хьюза», находящегося в Майами (штат Флорида). Стоимость компании «Хьюз эйркрафт» — 350 миллионов долларов, годовой оборот — полмиллиарда. Однако в пределах и за пределами этих двух галактик рассыпано огромное количество корпоративных звезд самой различной величины, центром гравитации которых является все тот же Хьюз.

Наиболее крупная звезда — «Хьюз тул компани» в Хьюстоне (штат Техас). Она производит вертолеты (предприятия в Калвер-сити), нефтебуры (предприятия в Хьюстоне) и прочее нефтеоборудование. У звезды «Хьюз тул компани» имеется ряд спутников. Во-первых, это отели и казино в штате Невада. Они объединены под эгидой «Невада оперейшнс». Ее 221 игорный стол и 2 275 игорных автоматов дают 13 процентов всего игорного бизнеса Невады — 552 миллиона долларов. Через «Хьюз тул компани» сам Хьюз владеет земельными угодьями в штатах Невада, Калифорния и на Багамских островах. Наконец, в орбиту «Хьюз тул компани» входит ряд телевизионных и радиостанций, а также гольф-клубов и иных спортивных комплексов.

Не так давно Хьюз купил за 90 миллионов долларов компанию «Эйр Вест» в Сан-Матео (штат Калифорния). Эта авиакомпания, переименованная в «Хьюз эйр Корпорейшн», действует в восьми штатах Америки, а также в Мексике и Канаде. Хьюз лично владеет 22 процентами ее акций, а остальными 78 процентами — через «Хьюз тул компани».

Весьма любопытен «Медицинский институт имени Говарда Хьюза». Он ведет широкую научно-исследовательскую работу (отнюдь не только в области медицины) в ведущих университетах страны. Но, что еще более примечательно, этот «Медицинский институт» является хозяином «Хьюз эйркрафт компани»! Недавно «Медицинский институт» вкупе с «Хьюз эйркрафт» и «Телепромптер» направил Федеральной комиссии по связи заявку на право запуска внутриамериканских искусственных спутников связи. Удивляться этому не следует. Напомним, что спутник «Ранняя птица» и три из четырех функционирующих международных спутников связи построены компанией «Хьюз эйркрафт». Она же создала автоматическую лунную станцию «Сервейер», передававшую снимки поверхности Луны.

Так выглядит в общих чертах империя Говарда Роубарда Хьюза, которую оценивают в два миллиарда долларов и на которую гнут спину 67 400 человек.

Помните, у Маяковского: «Форд — в миллионах фордов, сам же Форд — в аршин»? Таинственная жизнь аршинного Хьюза, несмотря на ее трагикомический мелодраматизм, всего лишь кончик айсберга, песчинка на лике тех миллионов хьюзов, которые воплощены в авиации, нефти, телевидении, отелях, казино, земельных участках, залежах золота, серебра, железа, в университетах, в сложнейших электронных моделях и примитивных игорных аппаратах.

Рассказывают, что Хьюзом владеет маниакальный страх перед микробами. Его ближайшее окружение обязано обертывать руки бумажными салфетками или даже натягивать резиновые перчатки при соприкосновении с предметами, которыми он пользуется. По другим сведениям, дело доходит до стерильных повязок и масок на лицо, до специальной изоляционной обуви. Но все это опять-таки имеет место в аршинных измерениях. В измерениях же миллионных дыхание Хьюза чувствуют на своем затылке целые штаты, его рука держит за горло бесчисленное количество людей. В измерениях миллионных Хьюз одновременно и могуч и бессилен, и умен и безумен, равно как и система, которая его породила и символом которой он стал. Ибо Хьюз, подобно капитализму, колосс на глиняных ногах.

Внутренние противоречия, видимо, давно подтачивавшие «империю Хьюза» и лишь сейчас вырвавшиеся наружу, убедительно подтверждают этот диагноз — «колосс на глиняных ногах». Он как бы хватает сам себя за горло, выступая одновременно и в роли хищника и в роли его жертвы. В лице компании «Хьюз эйркрафт» затворник из Лас-Вегаса выступает одним из правофланговых военно-промышленного комплекса. Электронные начинки с клеймом этой компании угрожающе тикают в ракетно-ядерном оружии, которым оснащены вооруженные силы США и Североатлантического блока. Но в лице синдиката «Невада оперейшнс» наш затворник выступает уже в качестве жреца земельной ренты и апостола недвижимости, в качестве покровителя туризма, проституции и гэмблинга. Вот почему, когда в штате Невада начались испытания ядерного оружия, субконтрактором которого была и «Хьюз эйркрафт», Говард Хьюз тем не менее потребовал у Вашингтона их немедленного прекращения. Ему явно не улыбалась перспектива превращения фешенебельных отелей «Пески» и «Пустыня» в их радиоактивный эквивалент без кавычек и прописных букв. Он отлично сознавал, что повышение радиоактивности влечет за собой понижение деловой активности, что люди, готовые рискнуть зелеными бумажками, не хотят рисковать получить белокровие. Туризм на тот свет никогда не пользовался успехом. С другой стороны, ядерные испытания обесценивали рудные разработки Хьюза, его земельные угодья, создавали помехи для телевидения и полетов гражданской авиации.

Но в противоречие пришли не только интересы «Хьюз эйркрафт» и «Невада оперейшнс». Столкнулись между собой и «Хьюз тул компани» с «Невада оперейшнс», хотя последняя является дочерним ответвлением первой. (В мире бизнеса даже кровное родство не гарантирует от кровной мести.) Политика Хьюза, проводимая им через «Невада оперейшнс», состояла в том, чтобы скупать в Неваде уже имеющиеся отели, игорные дома, телекомпании, аэропорты и шахты. С одной стороны, это было дешевле, а с другой стороны, походя устранялись конкуренты. Но Хьюз, по существу, ничего не строил в Неваде, не делал никаких крупных капиталовложений в экономику этого штата. Более того, многое из приобретенного им консервировалось и искусственно изымалось из хозяйственного оборота. Республиканец Лэксалт, который по случайному, а быть может, и не совсем случайному совпадению был избран губернатором Невады именно в 1966 году, когда в Лас-Вегас переселился Хьюз, закрывал глаза на эту паразитическую деятельность «Невада оперейшнс». У него сложились исключительно близкие отношения с Робертом Мэйхью, главой «Невада оперейшнс», — одним из наиболее приближенных лиц при дворе короля Говарда I, бывшим агентом ФБР и специалистом по рекламе.

Финансовая политика, проводимая «Невада оперейшнс», стала существенно тормозить экспансионистскую стратегию «Хьюз тул компани». К внутренним распрям между проконсулами императора Говарда I прибавились и внешние факторы. Губернатор Невады Лэксалт оказался «хромой уткой». На промежуточных выборах в ноябре 1970 года победу одержал кандидат демократов Дональд Кэллэгэн, который заявил, что он воспротивится попыткам Хьюза и далее приобретать уже имеющиеся в Лас-Вегасе отели и казино.

Подготавливая тылы к возможному отступлению, Хьюз начал зондировать почву на Багамах, к которым он уже давно приглядывался. В правительственных кругах Багам считают, что Хьюз в «порядке ответной любезности» должен взять на себя заботу о развитии государственной компании «Багамас эйрлайнс», самолеты которой обслуживают в основном американских туристов. Дела компании настолько плохи, что, по существу, ее можно считать мертворожденной. «Мы вам игорную промышленность, вы нам — авиационную» — таковы в общей форме контуры сделки, которую хотело бы заключить с Хьюзом правительство Багамских островов.

Багамское соглашение было во вкусе компаний «Хьюз тул» и «Хьюз эйркрафт», но не устраивало «Невада оперейшнс». Им вторили те преступные синдикаты, которые ориентируются на Неваду; его опасались гангстерские организации, свившие гнездо на Багамах. Последнее объясняется весьма просто. Хьюзовская монополия на невадский гэмблинг значительно сузила поле деятельности «диких» в Лас-Вегасе, считавшемся по традиции «открытым городом». Освободиться от мертвой хватки Хьюза — их заветная мечта. С другой стороны, гангстерам, промышляющим на Багамах, отнюдь не по душе судьба своих невадских коллег. Поэтому они предпочитают, чтобы Хьюз оставался в Лас-Вегасе.

В центре всех этих противоборствующих сил и конфликтующих интересов находился сам Хьюз, заживо замурованный на верхотуре отеля «Пустыня». Штаб Роберта Мэйхью помещался в отеле «Граница», штаб его соперников из «Хьюз тул компани» — в отеле «Пески».

У каждой из сторон имелись свои преимущества в битве за влияние на верховного патрона. Несомненным преимуществом «Хьюз тул компани» было то, что непосредственную свиту императора составляли ее люди. Лишь сейчас стали известны их имена. Это Говард Эккерсли, Рой Кроуфорд, Джон Холмс, Лейвэр Майлер и Джордж Дрэноам. Все они члены религиозной секты мормонов. Хьюз окружил себя ими неспроста. Будучи болезненно подозрительным, он считал, что из всех человеческих существ мормоны с их религиозным фанатизмом наиболее неподкупны. Пятерку мормонов подобрал, нанял и оплачивал вице-президент «Хьюз тул компани» Фрэнк Гэй, главный противник Мэйхью. (Сам Гэй тоже состоит в секте мормонов.) Эти люди, исполняющие обязанности секретарей и сиделок, несли при Хьюзе посменное круглосуточное дежурство. И все общение Хьюза с внешним миром осуществлялось через пятерку мормонов.

Козырем Мэйхью было то, что охрана отеля «Пески» и апартаментов Хьюза находилась под его исключительным контролем. Ни одна живая душа не могла проникнуть к Хьюзу, вернее, к его секретарям, без разрешения Мэйхью.

К весне прошлого года борьба между «Хьюз тул компани» и «Невада оперейшнс» еще более обострилась. Роберт Мэйхью заявил, что им получена письменная инструкция от Хьюза, согласно которой Фрэнк Гэй и Честер Дэвис отстраняются от ведения тяжбы с «Транс уорлд эйрлайнс». (В 1966 году Хьюз продал за 546,5 миллиона долларов принадлежавшие ему акции этой компании. То была самая крупная сделка, когда-либо совершавшаяся на Уолл-стрите. Одновременно Хьюз обязался покупать через «Хьюз тул» для «Транс уорлд эйрлайнс» пассажирские реактивные самолеты, но в дальнейшем нарушил свое обязательство. Тогда «Транс уорлд эйрлайнс» предъявила «Хьюз тул компани» иск на 137,6 миллиона долларов. Дело пошло гулять по судебным инстанциям. Была приведена в действие сложная и неповоротливая механика антитрестовского законодательства.)

Демарш Мэйхью был воспринят группой «Хьюз тул» как официальное и открытое объявление войны. (До этого она велась подспудно в форме политики «плаща и кинжала». Обе стороны по понятным соображениям побаивались выносить сор из избы.) Дэвис и Гэй немедленно выступили с контрзаявлением, в котором оспаривались полномочия Мэйхью и ставилась под сомнение подлинность инструкций, якобы полученных им от Хьюза. Обращение губернатора Лэксалта к самому Хьюзу с просьбой, чтобы тот вышел из добровольного заточения и рассудил спорящих, осталось, разумеется, без ответа.

Соперники бдительно следили друг за другом. Секретари-мормоны пытались изолировать своего патрона от людей «Невада оперейшнс», а служба безопасности, наоборот, — от людей «Хьюз тул компани». Поначалу казалось, что чаша весов склоняется в пользу Мэйхью. Все телефонные звонки в «Пустыню» и Хьюзу по номеру 735—1122 переключались на Мэйхью, ставшего неоспоримым «вторым я» невадского миллиардера. Но вдруг в начале сентября сам Мэйхью потерял доступ к боссу. Последний не только перестал принимать его, но даже прекратил переписку и телефонные разговоры с ним. Теряясь в догадках, Мэйхью на всякий случай стал распространять слухи о тяжелой болезни своего повелителя, которая, мол, заставила его удалиться от активного ведения дел. Эта версия отчасти подтверждалась участившимися визитами в «Пустыню» личного врача Хьюза, проживающего обычно в Лос-Анджелесе, и крупнейшего специалиста по сердечным заболеваниям из Лас-Вегаса.

В конце ноября детективы, дежурившие у лифтов на восьмом и девятом этажах отеля, заподозрили что-то неладное. В течение нескольких дней лифтами никто не пользовался, а дверь, ведущая в штаб-квартиру Хьюза и его личные апартаменты, ни разу не открывалась. Детективы доложили об этом своему шефу — Джеку Хуперу и высказали предположение, что Хьюз покинул «Пустыню». Ошеломленный Хупер немедленно связался с Мэйхью и сообщил ему сенсационную весть об исчезновении Хьюза. Попытки Мэйхью дозвониться до Хьюза или хотя бы до его секретарей успеха не имели, а взломать дверь, ведущую в святая святых императора Говарда I, никто не осмеливался. Тщетно прочесывали Лас-Вегас детективы Хупера. Хьюза и след простыл. Факт его исчезновения держался в строжайшей тайне от непосвященных. Было это не столь уж трудно, если учесть обстановку секретности, которая обычно окружала личность Хьюза.

Но в начале декабря газета «Лас-Вегас сан» опубликовала уже упоминавшуюся нами статью о «великом исходе Хьюза». Плотину прорвало. Группа Гэя — Дэвиса тут же объявила о низложении Мэйхью и попыталась силой захватить все кассы в отелях и игорных домах, принадлежащих «Невада оперейшнс». Мэйхью бросился за помощью к своему старому другу и партнеру по теннису и гольфу губернатору Лэксалту. Последний приказал, чтобы бухгалтеры и кассиры «Невада оперейшнс» были немедленно водворены на свои прежние места. Тем временем «шеф» Хупер, вооруженный ордером на обыск (впоследствии выяснилось, что ордер был фальшивым), проник на девятый этаж «Пустыни». Детективов насмешливо приветствовали голые стены штаб-квартиры Хьюза. Ни босса, ни его секретарей-мормонов там не оказалось. Вместе с ними исчез архив документов. По словам Хупера, побег был, видимо, совершен через пожарную лестницу. Эту версию подтверждала дверь, прорубленная в одной из комнат хьюзовского убежища.

Итак, первый раунд остался за Мэйхью.

Но на следующий день после обыска в «Пустыне» группа Гэя — Дэвиса ответила эффектным контрударом. Она организовала звонок самого Хьюза губернатору Лэксалту и генеральному прокурору штата Невада Франклину. Междугородный телефонный разговор Нассау — Лас-Вегас носил трехсторонний характер. Губернатор и прокурор были приглашены на восемнадцатый этаж отеля «Пески», где их уже ожидали директора «Хьюз тул компани», заказавшие прямой провод.

Разговор с Нассау длился около двух часов. Хьюз сообщил губернатору и прокурору о своем решении снять Мэйхью с поста главы «Невада оперейшнс». Он сказал также, что увольняет в отставку и начальника своей охраны Хупера. «Безопасность, которую он был обязан обеспечивать, оказалась несостоятельной, — сказал Хьюз. — А ведь я платил за нее бешеные деньги. Конечно, я покинул «Пустыню» по доброй воле. Но ведь с таким же успехом меня могли хлороформировать и похитить!» Далее Хьюз подтвердил полномочия Гэя и Дэвиса на управление делами и финансами «Невада оперейшнс».

Фотомонтаж Е. ШУКАЕВА.

В тот же день Лэксалт устроил совещание с одиннадцатью директорами «Хьюз тул компани», прибывшими специальным самолетом из Хьюстона, и пообещал им голову Мэйхью. Что касается Франклина, то он поспешил извиниться перед джентльменами из Техаса за обыск в «Пустыне». «Я, как генеральный прокурор штата, не мог оставить без проверки версию похищения»,— пробормотал он заискивающим тоном.

Из отеля «Пески», штаб-квартиры «Хьюз тул компани», губернатор отправился в отель «Граница», штаб-квартиру «Невада оперейшнс», чтобы лично сообщить Мэйхью о его судьбе.

Весть о своем низложении тот воспринял вполне философски. Первым долгом он выразил удовлетворение по поводу того, что босс жив, здоров и находится на воле. Затем, сделав логическое сальто-мортале, Мэйхью сказал, что ни в какую отставку он уходить не намерен, пока не получит соответствующих инструкций лично от Хьюза. Телефонный разговор? А где гарантия, что на том конце провода действительно был Хьюз? Кто может поручиться за это? Лэксалт и Франклин? Но ведь ни тот, ни другой ни разу в жизни Хьюза в глаза не видели. Директора «Хьюз тул компани»? Но ведь именно они похитили босса и пытаются сейчас мистифицировать власти штата подстроенными телефонными звонками!..

Лэксалт покинул «Границу», так и не добившись отставки.

Выпроводив губернатора, Мэйхью стал готовиться к третьему раунду. В противовес версии группы Гэя — Дэвиса о том, что Хьюз был его фактическим пленником в «Песках», Мэйхью вновь выдвинул версию «похищения». Его приятель редактор «Лас-Вегас ревью-джорнэл» Дон Диджилио опубликовал на страницах своей газеты историю болезни Хьюза, якобы полученную непосредственно от лечащего врача миллиардера. Медицинское заключение гласило, что Хьюз был не в состоянии самостоятельно передвигаться, а тем более совершить воздушное путешествие на Багамы. Между строк намекалось, что Хьюз находится не в Нассау и не на Райском острове, а где-нибудь поблизости и что его жизнь под угрозой.

Медицинских экспертов неожиданно поддержали эксперты авиационные. Хьюз летает исключительно в качестве пилота, а не пассажира, утверждали они. Поскольку нынешнее состояние здоровья босса не позволяет ему садиться за штурвал, история с «Локхидом» — утка, пущенная для отвода глаз.

...Директора «Хьюз тул компани» оказались в затруднительном положении. Телефонный звонок с Райского острова склонил на их сторону губернатора и прокурора, но не произвел особого впечатления на судью Бэбкока, к которому поспешил апеллировать Мэйхью. Судья объявил, что «Хьюз тул компани» может устранить Мэйхью и взять в свои руки управление делами «Невада оперейшнс» только в том случае, если ее директора предъявят на сей счет более солидное основание, чем телефонный звонок.

«Солидное основание» было предъявлено незамедлительно. Гэй и Дэвис передали в суд письмо, полученное ими от Хьюза. В письме, адресованном «дорогим Честеру и Фрэнку», говорилось: «Я не понимаю, почему проблема Мэйхью до сих пор не решена и почему продолжается это нежелательное паблисити. Оно может повредить как нашей драгоценной собственности в Неваде, так и всему штату. Поскольку моя компания — одна из самых больших, если не самый большой работодатель в штате, все, что наносит ей вред, наносит вред и самому штату. Вы уверяли меня, что мой звонок губернатору Лэксалту и прокурору Франклину положит конец этому конфликту. Я согласился и позвонил. Но нежелательное паблисити, связанное с тем, что легально конституированный совет директоров «Хьюз тул компани» решил порвать все отношения с Мэйхью и Хупером, тем не менее продолжается. Я этого не понимаю. Я требую, чтобы вы приняли все необходимые меры для достижения вышеозначенной цели. Я требую, чтобы вы довели мои желания и чувства относительно этого дела до всех членов совета директоров «Хьюз тул компани». Я не собираюсь диктовать совету, какие конкретные шаги он должен предпринять. Это входит в его компетенцию. Но поскольку возникла некоторая неуверенность в отношении моей позиции, я хотел бы раз и навсегда рассеять ее. Я не поддерживаю вызов, брошенный Мэйхью и Хупером совету директоров компании «Хьюз тул». И я глубоко желаю, чтобы об этом были незамедлительно поставлены в известность все заинтересованные стороны. Я требую, чтобы вы сделали все, что в ваших силах, для урегулирования этой проблемы. Более того, я требую, чтобы вы немедленно получили полный бухгалтерский отчет о всех фондах и собственности, к которым имел или мог иметь доступ Мэйхью. Как я уже говорил, это дело весьма обеспокоило меня. Оно наносит глубокий и далеко идущий ущерб моей компании. С искренним уважением, Говард Р. Хьюз».

Козырное письмо, не так ли? Но адвокаты Мэйхью поспешили объявить его краплёным. Они пообещали представить суду доказательства того, что письмо и подпись Хьюза — фальшивка, что они подделаны директорами «Хьюз тул компани». С этой целью из Вашингтона был вытребован знаменитый на всю Америку эксперт Чарльз Эппл, один из членов «мозгового центра» ФБР. После тщательной проверки письма «дорогим Честеру и Фрэнку» и сравнения его с другими рукописями Хьюза Эппл заявил, что оно «имитация».

Тогда директора «Хьюз тул компани» срочно привезли в Лас-Вегас своего собственного эксперта — Ральфа Брэдфорда, советника калифорнийской полиции. Одновременно они предъявили Мэйхью новое обвинение в разглашении конфиденциальных данных, касающихся империи Хьюза. (Это он снабдил Эппла документами для экспертизы.) Скандал, раздуваемый печатью и телевидением, стал приобретать устрашающие размеры. Губернатор Лэксалт вновь попытался вмешаться. По его совету судья отказался принять вещественные доказательства и заключения экспертов обеих сторон. Затем он вообще прервал разбирательство дела, а губернатор пригласил к себе спорящих. На встрече, состоявшейся в мотеле «Эль-Марокко», присутствовал также председатель республиканского комитета штата Невада Джордж Эбботт. Однако их посредничество ни к чему не привело. Стороны разошлись, как и встретились, заклятыми врагами.

На следующий день слушание дела возобновилось. Директора «Хьюз тул компани» заверили судью Бэбкока, что они представят ему «неопровержимое свидетельство авторства Хьюза, равно как и доказательство самого факта существования этого человека» (!). Затем последовал драматический удар: Дэвис выложил еще одну копию хьюзовского письма «дорогим Честеру и Фрэнку», снабженную не только подписью миллиардера, но и отпечатками его пальцев!

Но Мэйхью пальца в рот не клади, а тем более его отпечатков. Адвокаты «Невада оперейшнс» немедленно поставили под сомнение подлинность чернильно-сальных пятен. Несколько позже последовали вопросы в стиле детективных сценариев. Когда были сделаны эти отпечатки: до или после написания письма? Кому они принадлежат: живому человеку или мертвому? Наконец, знаменитый вашингтонский «разгребатель грязи», наследник Дрю Пирсона, Джэк Андерсон сообщил, что, «как ему стало известно», Мэйхью затевает вооруженную экспедицию на Багамские острова с целью вызволения Хьюза, если он действительно там, или разоблачения маскарада хьюзовского побега, если его там не окажется.

Я не имею возможности проверить достоверность информации Андерсона, но могу сказать, что предприятие, о котором идет в ней речь, вполне в духе Мэйхью. Я уже упоминал вскользь о том, что в прошлом глава «Невада оперейшнс» был связан с ФБР. В годы второй мировой войны Мэйхью работал в контрразведке. Он действовал в вишистской Франции под видом спекулянта валютой на черном рынке и снабжал немецкое командование дамской мануфактурой, дамами, а заодно и подложными военными секретами союзников. Мэйхью до сих пор считается одним из лучших снайперов за всю историю ФБР и отличается незаурядной физической силой. «Он редко пускал в ход оружие, довольствуясь одними кулаками»,— вспоминают его сослуживцы по ФБР. Вместе с тем Мэйхью блестящий юрист. Уйдя из ФБР, Мэйхью работал сначала в различных фирмах в штате Мэн и в Вашингтоне, а затем открыл свое собственное рекламное дело. Когда Хьюзу понадобилось подставное лицо для тайной скупки недвижимости в Неваде, то ему сразу же указали на Мэйхью. «Это лучший товар из того, что только можно приобрести на человеческом рынке. Он стоит ваших денег»,— так рекомендовали Хьюзу Роберта Мэйхью «знатоки». Босс и его «второе я» быстро спелись. Мэйхью и впрямь оказался идеальным выбором. Ведь этот детектив, разведчик, снайпер, самбист, юрист, торговец живым товаром и специалист по рекламе был к тому же еще и «добрым католиком». Он даже возглавлял одно время Американский фонд Вселенской церкви!

...Битва проконсулов империи Хьюза продолжается. Эксперты изучают его почерк, словно рукописи Шекспира, и отпечатки пальцев, словно уголовное дело Аль-Капоне. Ведь недаром Говард I сочетает в себе величие и преступность общества, которое его породило и гипертрофированным символом которого он стал.

Могут спросить: к чему весь этот балаган? Разве не проще послать Хьюзу судебную повестку, а в случае непослушания доставить его силой пред завязанные очи Фемиды? Нет, не проще. Когда несколько лет назад против Хьюза было возбуждено дело о нарушении антитрестовского законодательства, он не удостоил суд своим присутствием, хотя речь шла о сумме в полтораста миллионов долларов. Когда президент Никсон пригласил Хьюза на банкет в честь экипажа «Аполлона-11», впервые высадившегося на Луну, он попросту игнорировал это приглашение. В Америке нет ни судилища, ни чести, достаточно высоких для него. Суд над Хьюзом равносилен суду над системой. И только история, а не участковый судья Бэбкок из Лас-Вегаса может вынести ему приговор.

ВЫХОДНОЙ

Фото М. САВИНА.

...Закончилась трудовая неделя. И город словно бы поутих — отдыхает. Кажется, что медленнее обычного бегут проспектами, широкими улицами троллейбусы, автобусы, лениво позванивают трамваи, чаще, чем в будни, мелькают зеленые огоньки такси, да и прохожих в городе стало меньше. Выходной!

Химики, строители, радиоприбористы — люди, чьим трудом из года в год все больше и больше хорошеет и богатырски растет древняя и молодая Рязань, — нынче вроде изменили любимому городу. Так уж повелось, стало хорошей традицией, что в выходные дни город уходит в леса. На крутых

и стремительных спусках у белого полога Оки, в величавой торжественности соснового бора, в любом перелеске смеется, шутит, шумит, радуется, отдыхает город.

На ногах — лыжи. В руках — палки. За плечами — рюкзак да ветер. И лыжня ведет горожанина все дальше и дальше в тихую сказку зимы.

«Волга» опрометчиво свернула с хорошо накатанной дороги на проселок. Глубоко осели в снег колеса. Приехали...

— Не беда, шофер, не унывай. Свой брат-горожанин придет на помощь.

— Раз-два, взяли.— И снова бежит в белых снегах «Волга».

А где-то в перелесицах звенит песня, поет аккордеон. Мчится такой редкий теперь на Рязанщине вездеход — лихая тройка.

— Не мешайте, я занят,— у рыболова и в выходной — работа.

Город вышел в леса. Поет, смеется, шутит и шумит, отдыхает трудовой город.

Ю. ЮРЬЕВ

ТЕЛЕЭКРАН И ЕГО ГЕРОИ

Ольга САХАРОВА

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Когда в Москве строилась Останкинская телебашня, на страницах многих газет и журналов нередко рассказывалось о небывалой ее высоте, оригинальной конструкции, удивительном фундаменте, вращающемся ресторане «Седьмое небо», откуда в идеально ясную погоду можно обозревать московские дали... Но за всеми этими, безусловно, интересными подробностями порой как-то забывалось то, ради чего, собственно, трудились талантливые конструкторы, отважные монтажники... Следствие здесь несколько заслоняло причину. Между тем именно новая телебашня явилась одним из самых примечательных симптомов сегодняшнего телевидения, превратившегося не только в коллективного пропагандиста и агитатора, но и в коллективного, поистине многомиллионного организатора в период развернутого строительства коммунистического общества.

Бурное развитие и совершенствование общественной жизни страны, дальнейшая демократизация государственного строя, активное вовлечение во все сферы политики, экономики, культуры миллионов людей, их решающее воздействие на процесс общественного развития, триумфальное шествие научно-технической революции, открывшей перед страной беспредельные производственные горизонты, деловое, спокойное, мощное поступательное движение нашей Родины поднимают на уровень современных задач только тех, кто понимает это новое, претворяет его в жизнь, борется за него так, как этому учит партия. В этом общем строю идут советские средства массовой информации. И ныне на одно из ведущих мест среди них по праву вышло советское телевидение.

Первоначальное отношение к телевидению лишь как к домашнему заменителю кино и театра давно уже изжило себя. Но только сегодня мы можем с полным правом сказать, что использование всех огромных его возможностей полностью направлено в единственно верное и плодотворное русло: отображение ежедневного, ежечасного трудового подвига советского человека и в то же время активное воздействие на процесс развития нашего общества.

Сегодня героями телеэкрана стали люди труда. Их полнокровная жизнь, неравнодушное, заинтересованное отношение к каждому событию, происходящему на земле, к делу — не только своему, но и тех, кто трудится за сотни или тысячи километров; требовательность к себе и другу; стремление к познанию прекрасного — все эти черты, определяющие облик советского человека и отраженные в самых различных жанрах телевидения, доносят до зрителя созидательный дух нашей эпохи, ее могучую жизнетворную силу.

Сегодня вся жизнь нашей страны проходит под девизом подготовки к XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. За этими словами кроется содержание поистине необъятное. Потому что каждое новое достижение советских людей, будь то запуск нового космического корабля, ввод в строй крупнейшего завода,— события, получающие резонанс во всем мире; или постройка новой сельской школы, о которой знают лишь в пределах своего района,— все это неизменно связано с практической руководящей деятельностью партии.

Как же отражен на небольшом голубом экране огромный всенародный подъем, который ощущается сейчас во всех уголках советской земли?

Работники телевидения выбрали, по-видимому, один из самых трудных, но и самых благородных путей, показывая не только то, что делается в стране, но, главное, как и кем делается. Телевидение не ограничивается только информацией, более или менее обширно прокомментированной. Хотя и здесь надо отдать должное телеоператорам и тележурналистам: они завоевали право на одну из самых дорогих и труднодоступных привилегий, раньше полностью находившуюся во власти радио и газет,— оперативность. Теперь уже никого не удивляет, что в ежедневной информационной программе «Время» мы не только слышим, но и видим рассказ о событии, происшедшем порою всего лишь несколько часов назад.

Но повторим еще раз: телевидение наконец-то вышло на самостоятельную дорогу активных действий, не довольствуясь уже ролью подсобного комментатора. Голубой экран не просто «показывает». Он пропагандирует сущность нашей жизни во всех ее проявлениях. И, что особенно ценно, показывает огромную нашу страну, все советские республики как живое единство советских народов, неразрывно сплоченных в единую семью социалистической явью, строительством коммунизма...

Разделение телевизионных передач на рубрики, циклы вовсе не означает расчленения их внутренней направленности. Цикл передач о заводских или колхозных партсобраниях, районных и областных партконференциях, интервью с секретарями парткомов крупнейших предприятий страны, с передовиками производства, демонстрировавшиеся в цикле передач «Коммунист и время», органически сливаются с выступлениями секретарей Центральных Комитетов компартий союзных республик, областных комитетов партии, объединенными под рубрикой «Беседы о партии».

В том же ключе партийного, активного отношения к действительности звучат передачи, главная цель которых — рассказать зрителю о соревновании, развернувшемся в преддверии XXIV съезда партии.

Можно говорить о различии жанров, характерных для этих циклов, о более или менее удачных способах решения темы, но основной их настрой един и единственно правомочен. Он показывает, как и кем движется вперед экономика нашей страны. По-деловому сжато, подчас, может быть, даже с излишней сдержанностью рассказывают о своих делах труженики Москвы, Ленинграда, Киева, Свердловска, Ташкента, Риги, Донецка, выступившие инициаторами новых починов в последнем году восьмой пятилетки. Их перекличка в передаче «Ленинская вахта продолжается» позволила охватить взглядом трудовой фронт почти всей страны. И каждый день переносит нас в другой город, в другую республику. Только за месяц мы успели побывать и на Ново-Липецком металлургическом комбинате, и у чаеводов Гру-

---

НА СНИМКАХ

В эфире — передача «Старт пятилетки». Заведующий отделом репортажей Л. И. Федоров берет интервью у сборщика автопокрышек Ярославского шинного завода А. И. Ахмерова.

●

Телеэкранизация романа Н. Г. Чернышевского «Что делать!». Вера Павловна — Г. Яцкина, Цыганка — В. Смелякова.

Режиссерский пост.

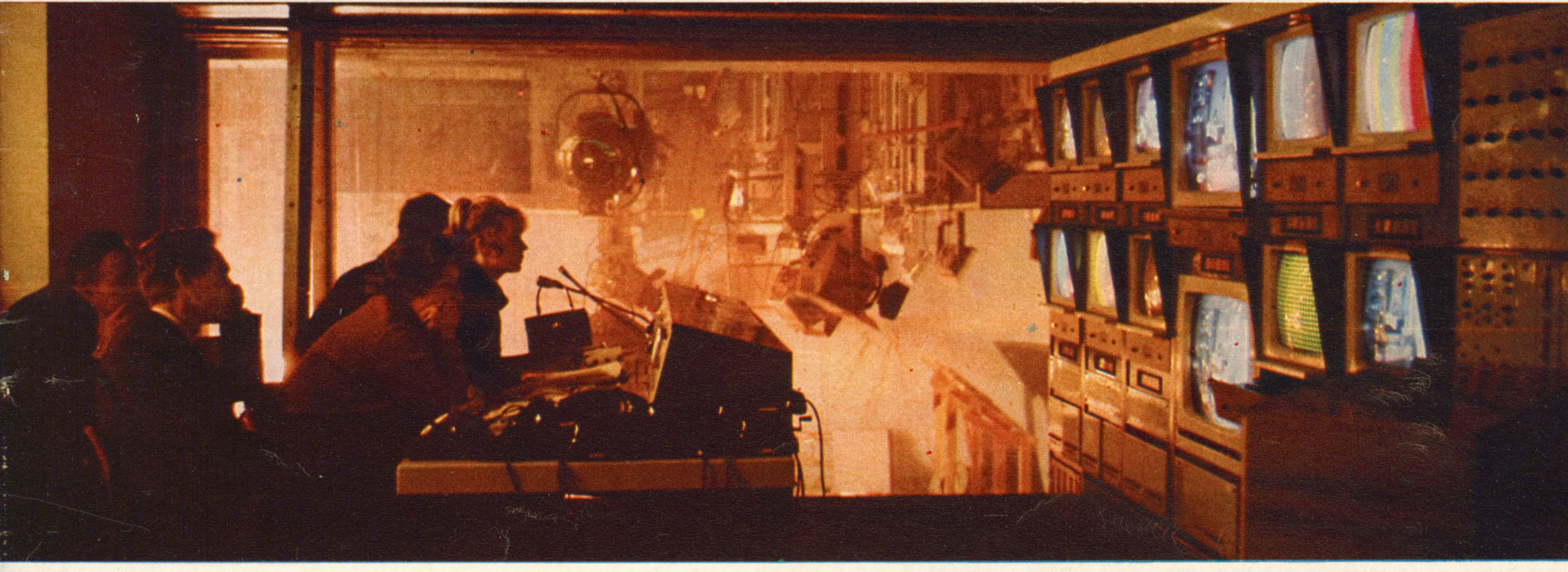
●

В творческом объединении «Экран» снимается концертный номер. Танцуют Елена Рябинкина и Владимир Романенко.

●

Оператор Лев Попов ищет кадр.

6

ИЩЕМ ТАЛАНТЫ
МЫ
ИЩЕМ ТАЛАНТЫ

зии, и на ждановском заводе «Азовсталь», и у тракторостроителей Минска... Нет, кажется, такой области промышленности, мимо которой равнодушно прошел бы объектив телеоператора и микрофон тележурналиста. Они приводят нас на стройки и в цеха заводов, на нефтеразработки и рыболовецкие базы... И везде находят главное, примечательное для сегодняшнего дня...

Удачей телевидения стали небольшие по хронометражу циклы передач, посвященные какой-либо одной точке на огромной промышленной карте страны. Вспомним «Потенциал Сибири». Эта рубрика в числе других включила пять передач о тюменской нефти, где в высшей степени сконцентрированно, сжато рассказывалось о том, как было открыто месторождение, как в тяжелых условиях осуществлялось строительство тюменского комплекса.

Лаконичный экскурс в славную историю вчерашнего дня, проиллюстрированный кадрами фото- и кинохроники, рассказами старожилов, сменил репортаж о сегодняшних заботах тюменских нефтяников. Авторы передачи сумели воссоздать на экране напряженный трудовой ритм жизни сибирских нефтяников и строителей, не довольствуясь только закадровой информацией, а в живых беседах с рабочими, показывая производственный процесс, размышляя над самыми насущными проблемами жизни тюменцев.

Очень интересной оказалась неделя репортажей со столичного завода «Динамо». День за днем телезрители следили за жизнью одного из крупнейших московских заводов. Они присутствовали на митинге в первый рабочий день 1971 года — 4 января, где динамовцы, следуя уже сложившейся на заводе традиции, объявили о новых трудовых обязательствах.

Вместе с ведущими они беседовали с лучшими производственниками в цехах, постигая рабочую мудрость передовиков завода, позволяющую им находить новые и новые резервы для повышения производительности труда. Миллионы телезрителей присутствовали на открытом заседании парткома завода, который обсуждал вопросы материального и морального поощрения передовиков производства, вопросы совершенствования форм социалистического соревнования. В четвертой передаче слово взяла заводская молодежь.

В пятницу, 8 января, нас опять пригласили к уже знакомой проходной. На этот раз передача шла из третьего цеха, и главной темой ее была автоматизация производства. А на следующий день мы увидели знакомые лица динамовцев на рабочем субботнике.

10 января проходила встреча трех знамен: московского завода «Динамо», совхоза «Динамо» Нехаевского района Волгоградской области и столичного Академического театра имени Вахтангова. Коллективы, сплоченные давней дружбой, отчитывались друг перед другом в свершенных делах, вместе строили планы на будущее...

Циклы передач, где дается такой вот укрупненный взгляд на один производственный объект,— безусловный успех нашего телевидения. И дело здесь не только в новой, интересной форме, четко разработанном сценарии, удачных операторских находках. Такие циклы позволили подойти к теме труда качественно по-новому. Не секрет, что перед обширным кругом предприятий нашего народного хозяйства стоит много общих, становых проблем. Проанализировать их, вскрыть глубинные процессы, активизирующие ход развития или, напротив, тормозящие его, можно лишь при условии глубокого, немимолетного внимания. Раскрывая то или иное явление во всех ракурсах, исследуя одно звено в бесчисленной цепи трудовых предприятий, телевидение помогает в решении проблем, важных для всей страны в целом. И сегодня заслуга телевидения как раз в том, что оно старается в каждой выбранной им теме раскрыть ее своеобразный, неповторимый облик в совокупности с чертами, характерными для сегодняшнего дня всей страны.

Одной из основных примет нашей жизни всегда было отсутствие резкого разграничения, изолированности между людьми разных профессий, различного общественного положения. Общность единой цели всегда объединяла и объединяет рабочего и министра, земледельца и инженера, студента и ученого. Сейчас, когда телевидение предоставляет слово и бурильщику шахты «Саксагань» А. С. Высоцкому, и министру машиностроения СССР В. В. Бахиреву, и вице-президенту АН СССР М. Д. Миллионщикову, мы убеждаемся в этом вновь и вновь. С одинаковой уверенностью в праве на свою причастность к решению всех государственных вопросов говорят, например, о воспитании молодежи председатель колхоза и секретарь обкома партии; с равной требовательностью предъявляют свои претензии к предприятиям, затягивающим нормальный ход работы, бригадир бурильщиков из Тюмени и заместитель министра промышленного строительства. Демократия не как лозунг, а как образ жизни народа прослеживается во всех выступлениях такого типа.

Отвлекаясь ненадолго от сути выступлений интересных людей страны, хотелось бы сказать несколько слов в защиту самой формы таких передач. Нередко приходится слышать, читать, что, мол, возможности телевидения так велики, что нельзя ограничиваться лишь показом лиц выступающих. Часто предлагаются различные варианты для иллюстрации таких рассказов — то ли фотозаставками, то ли кинокадрами... Да, возможности телевидения почти безграничны. В частности, оно может сделать вашим собеседником человека, которого вы, быть может, никогда в жизни не встретите. Так почему же нужно лишать телезрителя возможности спокойно, вдумчиво следить за мыслью собеседника, будь то министр, рабочий или известный писатель. Ведь в этой беседе мы воспринимаем человека очень непосредственно, слышим его голос, видим глаза, мимику, жесты—все то, что делает его облик запоминающимся, своеобычным. Рассказ умного, компетентного работника лучше всего иллюстрирует его собственное отношение к делу, о котором идет речь. Поэтому, на наш взгляд, не надо бояться крупных планов, пусть они перестанут быть привилегией кинозвезд и спортсменов.

Начиная с нынешнего лета одним из главных героев телеэкрана стал труженик села. Ломая рубрики и время объявленных передач, на голубые экраны приходили прямые репортажи с полей. Уборочная кампания, которая ежегодно становится для всей страны заботой номер один, заявляла о себе с телеэкранов каждый день. Тележурналисты брали интервью у земледельцев прямо возле тракторов и комбайнов, в короткий обеденный час и минутные перекуры, ранним утром и в полночь... То были экспромты в самом что ни на есть чистом виде. И выглядели они подчас намного живее, выигрышней иных тщательно отрепетированных «неожиданностей». Люди в привычной для них обстановке напряженного трудового ритма, когда дорога бывает каждая минута, говорили только о самом важном, не успевая заранее переволноваться перед камерой, заранее настроиться на лад "тебя показывают». Вместе со страдой география репортажей передвигалась с юга на север. Казалось, все везде идет одинаково. Но повторов не было, как не бывает их в жизни.

Естественно, что такая обширная и многогранная область, как сельское хозяйство, не может ограничиться лишь несколькими минутами пусть ежедневного, актуального репортажа. Здесь, как и в промышленности, сотни проблем, требующих безотлагательного внимания.

К сельской тематике Центральное телевидение не менее пристрастно, чем к любой другой. Иными словами, очень пристрастно. Поэтому, наверное, с таким неподдельно приподнятым настроением сделаны в большинстве своем сельскохозяйственные передачи.

Надо действительно знать и любить землю, ее тружеников, чтобы суметь донести до любого из миллионов телезрителей и нелегкую радость труда колхозника, и постоянную внутреннюю готовность его в любую минуту вступить в борьбу со стихией, и потомственную гордость хлебороба... Конечно, все это можно отнести в область чистых эмоций. Но как представить себе рассказ о нашей земле лишенным этих эмоций? Он присутствовал и в репортаже «Жатва идет» из совхоза имени Ленина Краснодарского края, хотя главной темой передачи был вопрос о внедрении НОТ на уборке урожая; и в передаче «Белое золото» Кзыл-Орды», хотя и здесь разговор шел сугубо деловой: мастера-хлопкоробы из колхоза имени Энгельса Кзыл-Ординской области, делились опытом в деле повышения урожайности хлопка-сырца.

Одним из основных вопросов, пристально рассматриваемых телевидением, стала взаимосвязь города и деревни. Июльский (1970 год) Пленум ЦК КПСС мобилизовал научные, технические и рабочие кадры страны на активную работу по подъему сельского хозяйства. Следуя своим, теперь уже сложившимся правилам, телевидение и в этом вопросе взяло на себя роль активного пропагандиста новых дел и идей.

Передачи из московского, саратовского, волгоградского научно-исследовательских институтов, где проектируются новые машины для полей, репортажи из сельских районов, куда приехали сотрудники этих институтов, чтобы помочь колхозникам быстрее внедрить новую технику, сменялись беседами с учеными за «Круглым столом». А передачи с Ново-Московского химкомбината, из мурманского «Апатита» и Гомельского химического завода, с Камского автозавода и из Ташкента, с Алмалыкского химзавода превратились из обычных телевизионных репортажей в своеобразный видеоотчет рабочих перед тружениками села.

Наверное, так и быть должно, что репутация самых смелых новаторов в области изыскания новых телевизионных жанров прочно закрепилась за молодежной редакцией. В последнее время именно молодежи посвящается новая программа — «Пресс-конференция». Первое, что привлекает внимание в этих передачах,— удачно найденная их форма; зритель становится участником непринужденной беседы молодых рабочих, студентов со своими старшими коллегами по труду, с известными учеными, писателями, композиторами... Ребята задают вопросы, им отвечают. Такая форма позволяет сделать живой, сочной беседу на серьезную и вовсе уж не развлекательную тему; так было, например, когда на вопросы молодых рабочих отвечал Герой Социалистического Труда слесарь С. А. Антонов. Право, такая двадцатиминутная передача может встать в один ряд с полнометражными художественными фильмами о рабочем классе (коих, кстати, сейчас

Так выглядит студийный павильон во время популярной передачи «Алло, мы ищем таланты!».

очень не хватает!). В ней было все красноречиво: и смысл вопросов ребят, и ответы маститого рабочего, и такая разная и в то же время общая манера разговаривать, держаться; и реакция ребят на слова Антонова, и его собственная лукавая добродушная настороженность: «Ну-ка, что они еще надумают спросить?» — и сразу возникшая среди ребят, вчера, может быть, еще незнакомых, атмосфера заинтересованного дружелюбия... Никакой позы; они разговаривали на равных — 18—20-летние рабочие и заслуженный слесарь, член ЦК партии, человек, известный на всю страну. Их объединяла самая высокая на свете гордость — гордость рабочего человека, внутреннее достоинство созидателя...

Именно это чувство внутреннего достоинства в сочетании с интеллигентной скромностью прежде всего и обращает на себя внимание, когда смотришь такую передачу. И уже не зритель приглашает к себе в гости героев телеэкрана, а они, люди труда, всегдашние хозяева жизни, предлагают ему принять участие в общем разговоре. Вот таких-то ребят мы увидели на встрече с Антоновым или на встрече с одной из передовых бригад Купавинской тонкосуконной фабрики; увидели во время переклички молодежи Таллина и Москвы...

Правда, нет-нет да и случалось (а если уж честно говорить, то еще и случается), что молодой напор в передачах этой редакции как-то незаметно переходил в некоторую, порой не очень приятную, навязчивость. Но примечательно, что рецидивы эти особенно стали, как говорится, резать ухо именно в последнее время, когда они стали все более редкими на телеэкране. Действительно, как-то трудно представить, например, молодых ребят, собравшихся в студии для участия в очередной «Пресс-конференции» в качестве соискателей заветных баллов в КВН. (Кстати, о баллах. Не слишком ли много математики в пределах первого десятка обрушивается на телезрителя? Желанием выставлять отметки грешны, пожалуй, все люди еще со школьных лет, но, может быть, не стоит так уж усиленно эксплуатировать эту слабость: ведь, кроме спортивных соревнований, зрителю приходится считать очки и в песенных конкурсах и в состязаниях самых обаятельных девушек и самых талантливых талантов — всего не перечислишь.) По поводу этих, так интересно в свое время начинавшихся, передач написано много иронических строк. Кажется, все давно признали, что эти состязания в остроумии, которое в данном случае слишком часто ассоциировалось просто с пошловатой развязностью, себя изжили. И все же, к сожалению, занимают еще эфирное время молодые люди, возможно, очень симпатичные и действительно остроумные в повседневной жизни, но на сцене телетеатра превращающиеся вдруг в провинциальные конферансье-куплетистов не очень высокого уровня... Почему? Может быть, если уж нельзя как-то перекроить старый бабушкин салоп, надо просто расстаться с ним?

Передачи о молодежи и для молодежи имеют, безусловно, не только познавательный, развлекательный, но и воспитательный характер. И это не в меньшей мере, чем к военно-патриотической, производственной тематике, относится к искусству. Те критерии, которые прививаются сегодня молодежи, во многом неизменными останутся у нее завтра, когда она перешагнет рубеж жизненной зрелости. Это немаловажный аргумент в вопросе о высочайшей требовательности, предъявляемой к идейному и художественному уровню передач, посвященных искусству; так же, как о влиянии их на формирование художественного вкуса и всего мировоззрения каждого советского телезрителя, уже независимо от возраста.

Каждая культурно-просветительная передача, будь то театральный спектакль или эстрадное представление, художественный фильм или концерт классической музыки, передаваемые по телевидению, должна быть эталоном в своей сфере. Телезритель имеет право только на лучшее из того, что создано нашей культурой. И отрадно наблюдать, что на небольшом экране все меньше появляется случайных, однодневных произведений театра, музыки, кино. Прошло, кажется, время увлечения телеспектаклями, когда в эфир выпускались зачастую наспех поставленные, слабые пьесы или своеобразно облегченные варианты спектаклей, с успехом идущих в театрах. Такие эрзац-спектакли оказывали самую неблагодарную услугу и телевидению, и театрам, и актерам, и авторам, и, что самое важное, зрителю. Сейчас стал особенно заметным более строгий подход к осуществлению самостоятельных театральных постановок на телевидении. Это не только повысило их художественный уровень, но и высвободило время для трансляции лучших спектаклей непосредственно из театральных залов. Хотя, может быть, в чем-то правы противники таких трансляций, сетующие на невозможность полностью передать колорит сцены. Но не надо забывать, что телевидение демонстрирует свои программы не только в крупных городах, но и в отдаленных от них на сотни километров деревнях, поселках... Вряд ли искушенные столичные театралы имеют право лишать широкие круги телезрителей возможности увидеть настоящий спектакль, сыгранный хорошими актерами.

Те же аргументы можно привести и в защиту прямых трансляций из концертных залов. Недаром такой огромный успех имели концерты из произведений Бетховена, транслировавшиеся Центральным телевидением осенью прошлого года. Вообще тот резкий поворот, который в последнее время совершило телевидение в сторону популяризации классической и народной музыки, заслуживает самой горячей и безоговорочной поддержки. Особенно если учесть, что эфир предоставляется лучшим дирижерам, оркестрам, певцам, инструменталистам. Но, наверное, немало еще усилий предстоит приложить работникам музыкальной редакции, чтобы исправить тот крен в разухабистую шлягерность, которым еще не так давно страдали музыкальные передачи... Кстати, шлягер шлягеру — рознь. Когда перед телеобъективом выступает настоящий эстрадный певец, когда вы можете послушать хороший джаз или вокально-инструментальный ансамбль — честь и хвала легкому жанру. Но опять-таки пусть это будет эстрада высшего класса, а не худосочное эпигонство.

Вспомните, какое наслаждение доставил концерт артистов театра «Ромэн». Настоящее, народное искусство цыган, их песни, пляски за час, отведенный для передачи, свели на нет всю ту разудалую цыганщину, которой иногда увлекаются композиторы и певцы.

Не случайно большой популярностью пользуются передачи, где музыковеды, кинокритики, искусствоведы подробно знакомят телезрителей с творческой лабораторией известных русских, советских и зарубежных деятелей культуры, рассказывают о наиболее интересных вернисажах, новых книгах, спектаклях. Общение с объективным, компетентным специалистом всегда помогает лучше разобраться в той или иной области искусства, увидеть нюансы, не всегда заметные непосвященному глазу. Зритель с теплым чувством относится к человеку, открывающему ему новое в заветном мире прекрасного. Теплотой этой и доверием нужно дорожить! Их можно оскорбить, оттолкнуть одним неискренним словом, взглядом. Это прекрасно понимают многие, увлеченные своим делом популяризаторы и пропагандисты искусства. В их беседах со зрителем нет желания обязательно обратить всех в свою веру, нет даже намека на менторский тон знатока, снизошедшего до простых смертных (а то ведь случается и так, как было в одной из последних передач о кинокомедии, когда ведущий всерьез просвещал «темных» телезрителей, растолковывая им, когда они должны смеяться в кино, а когда этого делать не следует).

Телевидение стало университетом культуры миллионов советских людей. Этим можно гордиться. Но это же налагает на работников телевидения колоссальную ответственность.

...Да, минуло время, когда телевизор покупали лишь для того, чтобы создать в доме уютную обстановку в час вечернего чаепития. Советский человек, главная черта которого — активное отношение к действительности, имеет право не только на «свой» телевизор, но и на «свое» телевидение.

Удовлетворению духовных запросов советских тружеников и посвящают себя, свои силы работники нашего телевидения. Их творческие усилия не остаются незамеченными.

ЗА ДА

Очередной тур. В центре сидит Е. Геллер. Рядом с ним стоит Л. Полугаевский.

Фишер начинает борьбу.

За соседними столиками М. Тайманов (сзади) и Б. Ларсен.

Фото автора.

ЛЬЮ — ШАХМАТНАЯ ДАЛЬ

Анатолий ГОЛУБЕВ

Мальорка имеет мало общего с подлинной Испанией, разве только государственность, валюту да официальный язык. Мальорка—это витрина большого интернационального универмага по продаже морской воды и солнца. Витрина яркая, красочная, многолюдная. Почти сорок пять тысяч туристов прилетают на Мальорку ежедневно в жаркие месяцы туристского пика.

Поздней осенью Мальорка отдыхает от избытка английской, датской, немецкой и шведской речи. Закрылось большинство отелей. Ножками в небо смотрят перевернутые столики пустующих ресторанов. Опадают листья вековых платанов на приморском бульваре. Город Пальма напоминает дом для престарелых. Под теплым, почти летним солнцем греются редкие группы американских туристов, прибывших сюда за счет страховых компаний. Вместе с дешевым испанским вином, мальоркским гостеприимством они также деловито поглощают красоты этого необычного и благодатного уголка земли.

Крохотный остров с красной землей обязан своим исключительным климатом цепи северных гор. Как бы воздвигнутая неведомым зодчим скальная стена, обрывающаяся прямо в море, заботливо укрывает остров от холодных северных ветров. Став на высоком перевале, вы оказываетесь словно на грани стакана, наполненного молоком. Слева, внизу, плещутся облака и моросит холодный дождь (в Мадриде уже третий день валит снег). Справа на Мальорке — двадцать градусов тепла, солнце и лазурь моря сливаются с лазурью неба. Только пресной воды да птичьего молока нет на этой щедрой земле. С отсутствием последнего легко мирится неприхотливый и скромный испанский труженик. Но без воды...

Бесшумно вращаются крылья сотен ветряков на крышах сотен каменных домов, в которых не живет никто, кроме воды. Грамм за граммом качают усталые ветряки воду, оборачивающуюся золотом в туристском круговороте. Двадцать два миллиона современных пилигримов посетили Испанию в 1970 году. Половина из них прошла по пляжам Мальорки. И Мальорка разучилась удивляться чему-либо. Только этим, пожалуй, можно объяснить спокойное отношение, а точнее говоря, безразличие к большому шахматному бою.

За всей этой испанской далью шахматная даль проступала зримо только для специалистов да фанатичных поклонников шахматной игры. Турнир, который привлек бы в нашей стране тысячи зрителей каждый вечер, едва собирал сотню болельщиков. Вот в такой обстановке и предстояло выявление одного из возможных претендентов на золотую корону чемпиона мира.

...Первый ход на VIII Межзональном турнире в Пальме, на Мальорке, сделал американский гроссмейстер Роберт Фишер. Он сделал этот ход еще до того, как определился официальный порядок проведения встреч. Или, точнее, начался беспорядок, вызванный введением нелепейшей системы неравной принудительной жеребьевки. Когда все участники собрались перед городской ратушей в ожидании торжественной церемонии, американского гроссмейстера Роберта Фишера среди них не было. Он спокойно спал в своем отеле «Дель Мар».

— Началось! — сказал гроссмейстер Горт и покачал головой.

Если бы он знал, что произойдет через четверть часа под суровыми взглядами городских мэров всех времен, смотревших со стен средневекового зала, то в его голосе звучало бы больше сарказма, чем иронии. Дело в том, что Конгресс ФИДЕ в Лугано принял решение об отмене обязательной принудительной жеребьевки для нескольких участников, представляющих одну страну. Это решение касалось советских, югославских и американских шахматистов. О нем не могли не знать члены Оргкомитета в Пальме. И все гроссмейстеры были спокойны, пока за несколько минут до начала жеребьевки каждый из них не получил уведомление о том, что она будет принудительной. Это вызвало бурю протестов даже со стороны совершенно не заинтересованных лиц. Так, Бент Ларсен сказал, что это правило нелепо и уже однажды было отменено. Тогда на первую линию огня выдвинулась фигура мистера Эдмондсона, ответственного секретаря американской шахматной федерации. Со свойственной американским военным «скромностью» (он бывший подполковник) патрон Роберта Фишера безапелляционно заявил:

— Я здесь единственный член бюро ФИДЕ и потому решаю — быть принудительной жеребьевке.

Сработала судейская машина: бедный Горт уже в первом туре был вынужден выяснять отношения со своим земляком Филипом. Но когда дело дошло до американских шахматистов, машина заела. Вот уж поистине сила — слабейшая из слабостей.

Мистер Эдмондсон собственной грудью бросился затыкать организационную брешь, пробитую неявкой Роберта Фишера. Он лично вынул для него номер из мальоркской вазы. Сам объявил, что Фишер по религиозным соображениям будет играть в пятницу с утра, а в субботу поздно вечером...

Это были первые серьезные отступления от регламента, вслед за которыми не могло не последовать цепной реакции. Как говорит испанская пословица: «До самой смерти — все жизнь». Распорядок турнира стал напоминать старую калошу, в которой уже бессмысленно ходить даже по самым мелким лужам. Горт отказался играть первый тур с Филипом наотрез. Он ходил по тесному игровому залу, его трясло, и он обращался к каждому встречному за сочувствием: «Ведь это несправедливо, правда? Почему должны страдать только мы с Филипом?»

Чтобы как-то компенсировать моральные потери Горта, судейская коллегия перенесла 22-й и 23-й туры на место 4 и 5. Не успело смолкнуть эхо первого взрыва, турнир содрогнулся от следующего. Ларсен отказался играть с Фишером в пятницу утром.

— Посудите сами,— сказал датский гроссмейстер.— Я обычно очень долго сплю по утрам. Нигде в мире никто так рано не играет. Если Фишеру нужно мое очко, то пусть он его возьмет в честной борьбе!

Возможно, что на организаторов психически действовало присутствие за спиной у американских шахматистов Шестого американского флота, в то время отдыхавшего на Мальорке. Из распахнутых на море окон уютного зала «Аудиториума», где проходил турнир, виднелись орудия боевых кораблей, возглавляемых авиаматкой «Джон Ф. Кеннеди», а разухабистые парни в темно-синих клешах и белых поварских колпачках, казалось, оккупировали Пальму всерьез и надолго. Мальоркцы шутили: «Как только американские корабли приходят в Пальму, начинается дождь. А может быть, и наоборот: как только в Пальме начинается дождь, так появляются американцы!»

К сожалению, за последние десять лет соревнования шахматистов стали напоминать собой гигантские айсберги. Игра на доске—лишь его малая надводная видимая часть. Основная тяжесть борьбы на крупнейших состязаниях стала переноситься под воду, образуя огромный ледяной массив. Закулисная борьба порой рождает такие головоломные эндшпили, что они могли бы сделать честь мастерству величайших шахматистов прошлого, таких, как Алехин или Морфи.

На фоне закулисной возни сама борьба в первых турах напоминала скорей великосветский раут: вежливо раскланиваясь, гроссмейстеры охотно соглашались на ничью. И вдруг корифеи почувствовали, что в их шеренгах тесновато. Подвигали локтями. Не помогло! Тогда взглянули на огромную таблицу, выставленную в игровом зале, и удивились. В верхней ее половине стояли непривычные имена молодых: Хюбнера из Западной Германии и Мекинга из Бразилии. Весьма колоритные фигуры. Хюбнер напоминает обиженного неудовлетворительной оценкой студента, который вот-вот расплачется. Но это только с виду. Его шахматным соперникам не приходится ждать этих слез. Успеть бы сдерживать свои. Хюбнер играет спокойно, свежо и аккуратно. Мекинг, как всегда, шипит на разговаривающих вполголоса зрителей и молниеносно хватает чужие фигуры в цейтнотах. Оба они успешно подхватили начинание монгола Уйтумена и смело стали крушить авторитеты.

Надо сказать, что удивительное везение, помноженное на шахматное мастерство, сопутствовало Роберту Фишеру. Во многих партиях он стоял почти в проигрышной позиции, но сумел отделаться легким испугом. Советские гроссмейстеры, возглавляемые Ефимом Геллером, двигались к промежуточному финишу, 12-му туру, скорее капитально, чем победоносно. Так, Лев Полугаевский оказался единственным не испытавшим горечи поражения в первой половине турнира. Напротив всех остальных фамилий в таблице стояло по крайней мере по одному нулю.

Пиком состязания, несомненно, стала партия двух лидеров — Геллера и Фишера. Она как бы послужила последним мазком, завершавшим сложную общую картину первой половины турнира. Партия с обеих сторон велась виртуозно и остро. Напряжение было таково, что даже демонстраторы забыли о своих обязанностях и не могли оторвать взгляда от стола. Пришлось официанту переставлять за них фигуры на демонстрационной доске. А зрители следили за сигаретой Геллера. Она как стрелка барометра в улыбчивом рту одесского гроссмейстера. Чем напряженнее работает мысль Геллера, тем более вызывающе вздернута сигарета. И вот когда уже всем в зале было ясно, что ничья двух лидеров неизбежна и Ефим Геллер может победить в первой половине турнира, советский гроссмейстер сделал нелепейший ход...

В шахматах, как и в жизни, случаются непостижимые вещи. Гроссмейстер совершил обидную ошибку, о которой предупреждают все шахматные учебники. Случайность ли это? Возможно. Но я склонен думать, что просто сказалось гигантское перенапряжение. Не стоит забывать, что Фишер почти на 18 лет моложе Геллера. Это не может не служить каким-то гандикапом в такой острейшей борьбе.

Надо ли пояснять, каким печальным был для нас этот вечер. Даже назавтра, во время экскурсии по Мальорке, гроссмейстеры, не обращая внимания на мелькавшие за окном красоты, спорили до хрипоты, была ли у Геллера ничья. «Была». Это признал и сам Фишер...

Пора подсчета цыплят надвигалась неминуемо, а считать нам тем временем было почти нечего. Правда, Геллер обеспечил себе место в шестерке независимо от исхода оставшихся встреч, но молодой Хюбнер оттеснил его на третье место.

Толчея у входа в заветную шестерку стала перерастать в свалку, исход которой предугадать было почти невозможно. Угроза неудачи нависла над Львом Полу-

гаевским. В десяти партиях, по признанию самого Полугаевского, он имел лучшую позицию, или, как говорят шахматисты, «стоял лучше», однако девять из них сыграл вничью, а десятую проиграл. Зато начал свой могучий финишный спурт Василий Смыслов, опровергая все предположения пессимистов, что годы есть годы. С каждым шагом, приближавшим к финишной черте, трагедий становилось все больше. «Прогорел» Мекинг. Вылетели Глигорич и Портиш. Так и не смог оправиться после трагического старта Горт. И, конечно, начали «сыпаться» те, о которых можно сказать крылатой шахматной фразой: «Все видят, все понимают, но не знают, в чью пользу!»

Примером того, что творилось на финише, может служить встреча Геллера с Матуловичем. Первым предложил ничью Геллер, когда стало ясно, что форсировать события не удается. На что югославский гроссмейстер ответил неожиданно отказом, чем поверг Ефима Геллера в изумление. Опыт тысяч подобных партий показывал, что на доске стоит битая ничья. Сделав несколько ходов, Матулович еще больше удивил Геллера.

— Ефим, давай ничью. Я забыл, как ходить дальше?

Трудно что-либо добавить к этому откровению гроссмейстера.

В острой финишной борьбе раскрылось еще одно качество западногерманского шахматиста Хюбнера. Выяснилось, что он удивительный счастливчик. Его соперники за два хода до мата вдруг зевали ферзя, умудрялись просрочить время, тонули в цейтнотах. А Хюбнер тем временем набирал себе гроссмейстерский балл. И набрал! Единственным человеком, показавшим истинное значение Хюбнера как шахматиста на сегодняшний день, был Василий Смыслов.

Надо ли повторять, что перед последним туром практически не было ясно, кто займет оставшиеся после Фишера, Геллера, Хюбнера и Ларсена вакансии в шестерке. В удачной позиции оказался неунывающий Тайманов — человек, на мой взгляд, наиболее спортивный из наших гроссмейстеров по своему характеру. Еще оставались шансы у Смыслова и даже у Полугаевского. Если... Вот тут-то и начиналось такое «если», что без помощи счетно-аналитической машины разобраться было невозможно.

Самым драматическим моментом последнего тура стал поединок Смыслова и Хюбнера. Экс-чемпион мира играл как шахматный бог. Хюбнер сидел мокрый от пота, затравленно оглядываясь по сторонам, а если говорить точнее, глядя, как играют Ульман и Наранья. В случае их ничьей и победы Смыслова шестое, седьмое и восьмое места подлежали разделу в дополнительном матче. И в момент, когда положение Хюбнера стало явно безнадежным, Наранья сдался. Я видел лицо Смыслова, понимавшего, что теперь исход поединка с Хюбнером потерял для него всякое турнирное значение. Это понял и Хюбнер. Он не скрывал своей радости и воспрянул духом. Он полагал, что выведенный из равновесия Смыслов сделает роковую ошибку или по крайней мере согласится на ничью. И глубоко ошибся. К чести Смыслова, и все сидевшие в зале оценили это как подвиг мужественного человека, он, понимая бессмысленность для исхода турнира дальнейшей борьбы, играл блестяще и бескомпромиссно. И заставил Хюбнера сдаться...

Вот тут и надлежит заметить, что некоторая пассивность Геллера на заключительной стадии турнира стоила ему дорого. Жребий, решивший судьбу поделенных мест, оказался немилостив к советскому гроссмейстеру. Хотя он и тянул жребий первым, но вынул шестой номер. И вот Геллеру в четвертьфинальном матче предстоит встреча с Виктором Корчным. А Тайманов после жеребьевки радостно потирал руки: ему выпал жребий играть с Фишером, и он, по его словам, уже с удовольствием предвкушал радость борьбы с победителем межзонального турнира.

Нельзя, вспоминая о турнире, не сказать особо о его победителе. Да, Фишер становится серьезным претендентом на шахматную корону. Он стал сильнее, еще и потому, что за его спиной выросла такая фигура, как мистер Эдмондсон. Человек решительный, располагающий всем арсеналом средств ведения закулисной борьбы. Человек железной выдержки, единственный, кто способен выдержать все капризы Фишера. Человек без предрассудков, готовый стоять и закрывать, подобно швейцару, двери в игровой зал только потому, что Фишер сказал: «Шумно». Мистер Эдмондсон сделал целью своей жизни — посадить Фишера на шахматный престол. Его влияние на Фишера растет с каждым днем. Кропотливой работой пытается он ввести буйный характер Фишера в нормальное русло. «Очеловечивание» делает американского гроссмейстера серьезным конкурентом в самой длительной борьбе. И все же любому из соперников Фишера, в том числе и Марку Тайманову, по плечу огорчить мистера Эдмондсона. Вы спросите: каковы же другие итоги турнира? Как расценивать выступление советских гроссмейстеров? Мое мнение: советские шахматисты честно выполнили свой спортивный долг. Они сделали все, что могли. Остальное за них доделала спортивная, не всегда легкая судьба. Конечно, печально, что Лев Полугаевский выбыл из дальнейшей борьбы, но он воочию доказал, что остается гроссмейстером экстра-класса. Конечно, печально, что только кандидатом на продолжение дальнейшей борьбы может оказаться Смыслов после дополнительного матча с венгром Портишем, но он не менее убедительно доказал еще раз, что не зря носит титул экс-чемпиона мира. Титул, который сделал гроссмейстера Эйве едва ли не национальным героем Голландии. Но ведь судьба огорчает не только наших гроссмейстеров. Возьмем Бента Ларсена, не менее серьезного претендента на шахматную корону, человека весьма самоуверенного. Перед турниром в Пальме он сказал мне, что будет первым. В суете прощального банкета я нетактично напомнил ему о саморекламном заявлении.

Бент, не смущаясь, ответил:

— Если я выиграю, об этом скажут все. До турнира же только я мог сказать о себе хорошее.

Надо отдать ему должное — Ларсен делает очень многое, чтобы поддержать своей игрой высокое мнение о самом себе...

Увы, за последнее время в среде любителей спорта самых разных рангов укоренилось мнение, что поражение смерти подобно. Забывается, что борьба есть борьба, что она обостряется с каждым днем. И она неминуемо будет приносить нам не только одни радости. Это отнюдь не призыв к смирению. Нет. Надо делать все, чтобы победить. Если вернуться к шахматам от этих общих рассуждений, убежден, что перспектива прекрасна. Она несет в себе заряд будущих ярких побед. И время докажет это.

Мальорка — Москва.

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Сергей БАРУЗДИН

Котенкина мама

Осенью жил я в деревне. Совсем маленькой — на сорок дворов.

Хозяйка моя Христина Георгиевна была очень мила, и только в одном я чувствовал смущение: когда она начинала спрашивать меня про животных. То ли ей сказал когда-то кто-то, то ли сама она читала мои «животные» рассказы, но ее неожиданные вопросы порой ставили меня в тупик. Начинала она со слонов, которых сама не видела, переходила к верблюдам, бегемотам, ослам, лошадям, коровам, свиньям, собакам...

И вдруг:

— А вы кошечку эту видели? Ходит у дома и по огороду, сине-голубая, с полосками красивыми. Она родила. Всех котят куда-то рассовала. Кошка от Третьяковых, а они, известно, всех котят топят. Вот она и ушла от них и бродит по деревне. К Третьяковым не заходит, поверьте, сама видела...

Третьяковых я не знал, но с разной живностью общался: слонами, медведями, крокодилами...

— Что нужно делать? — спросил я Христину Георгиевну.

— А что делать! Ясно, что делать! — сказала Христина Георгиевна. — Вот вы тут сидите, что-то пишете, вы свободный человек. Надо поискать, куда она прячет котят. Пока вам делать нечего — вы поищите, а я с работы возвращусь, тоже буду искать. Я уже и сегодня утром на зорьке встала, козу в стадо выгнала и все смотрела... Не нашла...

Признаюсь, я не очень люблю кошек. Но эта — я ее видел, и много раз — мне чем-то нравилась. Она бродила у дома, появлялась на огороде, а то и на дороге — всегда сверхосторожная и, право, симпатичная. Шерсть, конечно, не голубая, а серая, но с голубизной и с бурыми полосами от головы и по бокам вплоть до хвоста. Увы, хвост был длинноват, но все остальное красиво.

Бросив работу после разговора с Христиной Георгиевной, я вышел на улицу. Кошки не было. Полчаса прошло и час, наверное, я вернулся домой. Взял книгу — работать уже не мог. И тут слышу, кто-то появился на подоконнике. Смотрю: она, эта самая кошка.

По представлениям Христины Георгиевны — «сине-голубая, с полосками красивыми». По моим — вовсе не голубая, а серая с голубизной и с бурыми полосками от головы и по бокам вплоть до хвоста. Слишком длинного хвоста! Но — она.

— Что ты хочешь? — спросил я ее самым ласковым голосом. — Может, поесть?

Она замяукала, но в комнату за мной не пошла. Тогда я пошел за нею. Кошка привела меня в дровяной сарай, где... Дрова — березовые, сосновые, осиновые — лежали в полном порядке. А под ними лежал котенок. Вовсе не похожий на свою маму — камышового цвета и совсем не маленький. Он бросился к маме навстречу и стал лизать ее — голову, бока, а потом лапы. И мама облизывала котенка, все время поглядывая на меня: не уйду ли я? А вдруг я — Третьяков?

Что делать? Я не люблю кошек, но и не люблю, когда топят котят. Кошка спасла от Третьяковых единственного котенка. Этого нельзя было бросить.

Рисунки
В. СИМОНОВА.

Но что думает мама-кошка? Я взял котенка в руки. Мама позволила мне это сделать. Я вынес котенка из дровяного сарая, и мама пошла за мной. Я внес котенка в дом, но мама остановилась на пороге. Я просил ее, умолял даже:

— Ну, иди! Чего ты боишься?

Она не шла. Так и осталась на улице. Котенка я напоил молоком, а когда вечером пришла с работы Христина Георгиевна, она еще и манную кашу ему сварила. Он чувствовал себя отлично и маму-кошку не вспоминал.

А наутро я увидел на пороге дома задушенную мышь. Во второй половине дня — еще двух мышей. К вечеру — еще одну.

— Это она! — объяснила мне Христина Георгиевна. — Вот вы и я — не Третьяковы. Так она оценила...

Котенок, вовсе не вспоминавший о мамекошке, резвился в доме и доставлял нам с Христиной Георгиевной радость, хотя и отрывал меня от работы. До тех пор, пока я не уехал в Москву.

А котенкина мать каждый день приносила своему сыну пойманных мышей и клала их на порог чужого дома. Чужого дома, но не дома Третьяковых, где она жила раньше.

Почему я боюсь ящериц

Давно, когда я был мальчишкой, жила у меня ящерица. Зеленая, с синими отливами и на теле и на длинном хвосте. Симпатичная. И очень дорогая. Выпросил у родителей тридцать копеек и купил ее в зоомагазине на Кузнецком мосту.

У ящерицы был свой домик — сам построил из фанеры — с маленьким стеклянным окошком. Сам ее кормил, а это было трудно: ящерица ела только мучных червей. За червями надо было ходить в тот же зоомагазин на Кузнецком мосту. Это сразу две проблемы. Деньги нужны для червей — раз. А деньги выпросил у родителей — червей нет в магазине.

Но все было хорошо, даже слишком хорошо. Ящерица привыкла ко мне. Не кусалась, когда я ее брал, бегала по рукам, по плечам, шее, голове и смотрела на меня в ожидании: я должен ее чем-то угостить. Длинный ее язычок почти облизывал мои пальцы, она ждала. Я давал ей из рук мучного червя.

Пришел ко мне как-то товарищ по школе. Я показал ему ящерицу.

— А ты ее за хвост можешь схватить? — спросил товарищ.

— Не знаю, — сказал я. — Она меня любит. Наверно, могу...

И, к удовольствию своего товарища, я взял ящерицу за хвост. Она не противилась. Она знала меня.

— Здорово! — сказал мой товарищ.

И ушел. А я посадил ящерицу в ее домик — фанерный, с маленьким стеклянным окошком. В этот день все было, как и прежде. А наутро...

Наутро я увидел страшное: ящерица лежала в своем домике сама по себе, а хвост ее лежал отдельно. Зеленый с синими отливами. Хвост уже умер. Через два дня умерла и ящерица. Она ничего не ела. Я закопал ее в землю на Чистых прудах.

Много лет прошло с тех пор. Видел я всяких ящериц, и дети мои не раз просили меня: «Папа, давай купим...»

Нет! Не могу!

Будто есть у меня вина перед той, довоенной, которую я не сохранил...

Топ-Топ

С крокодилами я познакомился давно — с настоящими и со всякими, но вот случай, которого я и сам не ожидал.

В Дакаре — столице Сенегала — я был дважды. Но все пролетом. То есть летел я куда-то и для чего-то, например, в Чили, а это — через Дакар, и тут обязательно остановка. Может, кому-то повезло, что остановка была на час или два, а я считаю, что мне повезло больше. У меня первая остановка была двое суток, поскольку самолета в Сантьяго не было, а вторая, на обратном пути — еще большая: самолета в Москву не было. Можно посмотреть страну.

В Дакаре по пути в Чили встретили меня милые люди. Наши, советские. По стране повозили, все объяснили, потом привезли домой.

Дом наш советский, посольский, а за рубежом нет большего счастья, чем оказаться в советском доме.

— Заходи, заходи! — говорил мне хозяин дома и познакомил с женой и с дочкой своей — восьмилетней Наташей.

Наташа прильнула ко мне, потянула куда-то, и папа ее вслед за ней:

— Да вот, главное! Наташина гордость! Посмотрите! Правда, прелесть...

Наташа провела меня в ванную и показала крокодила. Точнее, крокодильчика. Маленького, в половину метра длиной, зеленовато-серого, в бородавках.

— Посмотрите, какой он симпатичный, наш Топ-Топ! — сказала Наташа.

Он был, право, симпатичный. Почему он «Топ-Топ» — не знал. Я видел всяких крокодилов — и в зоопарках и на воле на том же Ниле, начиная с озера Виктория, с истоков могучей реки, и кончая устьем, — но такого я не видел.

Крокодил плеснул воду в ванне и потянулся длинной своей мордой к Наташе, и глаза его — большие глаза — были при этом добрые и ласковые.

Наташа что-то сунула ему в рот и тут же сказала:

— Я сейчас...

Она вернулась с бутербродом — хлеб и кусочек мяса, сунула его мне:

— Вы дайте ему! Вы увидите, какой он ласковый, наш Топ-Топ!

Я взял у Наташи бутерброд вместе с бумажной салфеткой.

— А почему он Топ-Топ? — спросил я Наташу.

Папа посмотрел на нее сурово, а Наташа на папу просительно:

— Ну, можно, папочка? Я дяде Сереже объясню!

— Можно, — улыбнулся папа.

— А потому, — сказала Наташа, — что, когда папы и мамы нет, я выпускаю Топ-Топа из ванной, и он ходит по комнатам, и топает, и...

— И ест мамины туфли и мои ботинки! — добавил папа. — И вообще все, что попадется...

— Ну, папочка! — сказала Наташа.

— Молчу! Молчу! — произнес Наташин папа. — А вообще он нас всех забавляет.

Крокодил в это время опять взбудоражил воду, обрызгал нас и, встав передними лапами на край скользкой ванны, протянул ко мне открытую пасть. Я заметил весьма серьезные зубы, забыв, что держу в руках бутерброд.

— Вы не бойтесь! — сказала Наташа. — Дайте ему! Он ждет!

Я сунул в крокодилью пасть бутерброд вместе с бумажной салфеткой.

— Ничего, Топ-Топ переварит, — сказала Наташа.

— Он все переварит, — подтвердил папа. — Милейшее существо. И не подумаешь, что крокодил. Правда, Наташу ругаем, когда его пускает топать по комнатам, а так не знаю, как мы жили без этого Топ-Топа вот уже... сколько, дочка?

— Пять месяцев, папочка. Даже шестой! — сказала Наташа.

Топ-Топ проглотил бутерброд вместе с салфеткой и опять смотрел на меня. Глаза у него чем-то напоминали поросячьи. Но сейчас он одним глазом смотрел — видел, наверное, что мы о нем разговариваем, и ничего больше у меня в руках нет.

Он, верно, был симпатичный. Вовсе не такой, как огромные и скучные его собратья, которых я видел в других странах Африки, Индии и Америки.

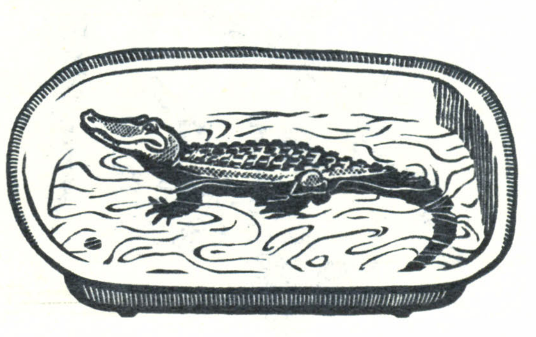
Чистые зеленовато-серые чешуйки. Длинная, узкая мордочка с морщинками. И, конечно, глаза. В чем-то поросячьи, свиные, но сейчас умные, когда он смотрит на Наташу, ее папу и меня. Глаза будто просят чего-то...

— Он славный у нас, Топ-Топ, — повторил Наташин папа, когда мы выходили из ванной...

На обратном пути из Чили я вновь оказался в Дакаре и был очень рад, что Наташин папа встретил меня в аэропорте.

Мы о чем-то говорили, но вдруг я спросил после расспросов о Наташе:

— А Топ-Топ как?

— Не говорите, ужасно! Вас месяц не было? Да, месяц! Так этот Топ-Топ пожрал у нас все занавески, все постели поел, и мы никак не можем с ним справиться...

— А зачем же Наташа его выпускает из ванной? — спросил я.

— Как выпускает! Он теперь сам выходит. И что вытворяет — трудно представить...

— А Наташа? — спросил я.

— Наташка плачет, но любит его безумно,— сказал Наташин папа.— И стервец этот, Топ-Топ, никого не признает, кроме Наташки. Ни меня, ни жену. А она ему скажет, и он топ-топ назад, и сам даже в ванну залезает. Сейчас приедем, увидите.

Я действительно все видел. За месяц моего отсутствия бывший маленький симпатичный Топ-Топ превратился в приличного и злого крокодила.

Слушал он только Наташу. У нее принимал еду. Ей позволял тронуть себя. Ей разрешал даже касаться открытой пасти своей с множеством тупых, но ровно сидящих неприятных зубов.

Меня к себе Топ-Топ не подпускал, даже когда бегал, а уже не топал по комнатам и рвал все, что можно было рвать.

Перед моим отлетом на родину Наташин папа спросил:

— А может, вы его с собой возьмете? Я все оформлю, поверьте! Устроите его там в зоопарк или куда?..

Я люблю всякое зверье, но, представив себе путешествие вместе с нынешним Топ-Топом, ужаснулся:

— Простите!

— Ну, пожалуйста, дядя Сережа, очень прошу! — сказала Наташа.

— Не сердись, Наташенька! Но сейчас — нет! Я что-нибудь придумаю.

Придумал не я один. Многие люди думали. И придумали.

Сейчас Наташа дома. На родине. В своем городе.

Когда у нее есть свободное время, она идет в зоопарк, чтобы увидеть своего Топ-Топа.

Я тоже был в этом зоопарке.

Меня Топ-Топ явно не узнал.

А Наташу, говорят, узнает...

Пугачи

У нас в Переделкине завелись мыши. И не какие-нибудь обычные домашние, а полевые. Погода испортилась окончательно, и в преддверии осени мыши стали лезть во все наши щели и даже по крыше через дымоход печки — в комнаты.

Мыши полевые оказались более хитрыми, чем домашние. Они не приходили в дом до полуночи. Тут и свет, и телевизор, и разговоры — все им мешало. И собака, конечно. Но стоило нам лечь спать, как они появлялись. Тем более что пес наш спит по ночам как убитый!

Мы гоняли мышей, как могли, но травить не решались: в мышеловку такая мышь не попадет, а посыпать комнату и кухню какой-нибудь химической гадостью — глядишь, собака отравится.

Терпели.

Август подходил к концу.

Мыши бесчинствовали.

«Ничего, мы через несколько дней уедем в Москву,— думал я.— Посмотрим, как вы без нас заживете в холодном доме!»

Раз ночью меня разбудило странное. Не мыши, не их возня, а что-то за окнами, и совершенно непредвиденное. Спросонок особенно.

Кто-то выл, бесновался и плакал за окнами:

— Ху-ху-ху, ку-в-ви-т-т, рай.

И опять:

— Ку-в-ви-т-т, рай!

И это ужасное — «ху-ху-ху!».

Посмотрел в окна — ничего не видно.

Услышал шорох крыльев и потрескивание сучьев.

Шорох заметный и понятный — птица, явно какая-то птица.

Что делать?

Я вышел на улицу.

Увидел на первой же сосне, низко, почти над землей, огромную птицу. И она меня заметила: странно покрутила, как игрушечной, головой и блеснула огромными навыкате глазами.

В лунном свете мне даже показалось, что глаза у нее светят, как желтые фары у машины.

Но она испугалась и рванулась куда-то вниз на землю. И я не знал, что она там делает, но рядом — на этой сосне и соседней ели — я заметил еще восемь желтых фар, четыре могучие крутящиеся слева вправо и справа влево красивые головы с маленькими, но заметно торчащими даже ночью ушами.

Совы! Откуда у нас тут совы? Или они перелетают куда-то на юг? В Подмосковье сов, по-моему, давно не было.

Было дико холодно и дождливо. Я стоял сколько мог и заметил, как «моя» сова вернулась на ту же ветку с мышью в когтях. За ней и другие по очереди ныряли вниз на землю и возвращались на свои места с добычей.

Меня совы почему-то совершенно не боялись. Или я уже осмелел, или они были заняты делом...

Я вернулся домой около трех.

За окнами опять начался душераздирающий крик:

— Ху-ху-ху! Рай! Р-р-р-ай! Ку-в-ви-т-т! Ху-ху...

Как наступил рассвет, все стихло. Последнее, что я слышал,— тяжелый полет больших, сильных птиц.

Утром собака безудержно рвалась на волю.

— Выпусти его,— попросил я сына.

Они вышли.

Потом вернулись.

— Пап, а что было ночью? И почему Антон лез на все деревья? — спросил меня сын.

— Ночью совы прилетали. Может, поэтому,— ответил я.

— Как совы?

— Так совы. Летели куда-то в южные края. У нас остановились...

Год прошел с той ночи, и два года, и вот скоро уже три, а ни одной мыши у нас в Переделкине не водится.

Что случилось, не знаю, но, может, и совы помогли.

Сын же мой, занятый меньше меня делами, сказал мне на днях:

— А если это были не совы, а филины-пугачи? Вот они и испугали всех мышей! Я читал про них. Они здорово пугают своим криком! Специально читал после того. Жаль, конечно, что ты не разбудил меня в ту ночь.

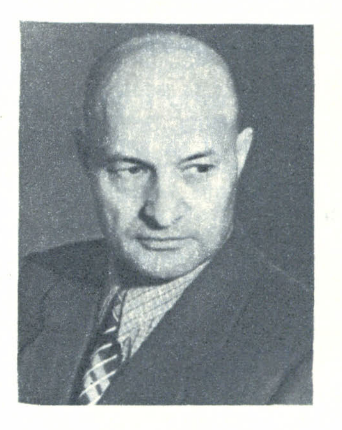
Я и сам жалею сейчас, что не разбудил Алешку в ту ночь.

ДОБРАЯ, ПОЛНАЯ НОША

Среди романистов послевоенного поколения в нашей многонациональной советской литературе белорусу Ивану Мележу принадлежит видное место. Уже первый его роман — «Минское направление» — стал заметным литературным событием.

Одним из первых читателей этого романа был Александр Фадеев. Он прочел его на белорусском языке и тотчас же написал дружеское письмо автору романа: «А прекрасного в этой книге много,— главным образом, люди. Вы их знаете, любите, и, в основе, они Вам в большинстве случаев удались — одни больше, другие меньше, но удались». Это было 16 лет назад, 18 февраля 1955 года. Фадеев попросил Мележа, тогда еще сравнительно молодого прозаика, поработать еще над романом, сказал, над чем именно, и тогда, писал Фадеев, «все прекрасные стороны этой книги выступят на первый план и

ЗНАТОК ШАХТЕРСКОЙ ДУШИ

К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. В. ИОНОВА

она станет значительным явлением нашей литературы». Мележ учел замечания и пожелания А. Фадеева, и роман «Минское направление» стал одним из лучших в нашей литературе о минувшей войне.

В шестидесятые годы Иван Мележ работал над «Полесской хроникой». Два романа из этой эпопеи — дилогия «Люди на болоте» и «Дыхание грозы» — вышли в свет и сразу же привлекли к себе всеобщее внимание.

Романы эти написаны в духе лучших традиций классического реалистического искусства. На материале полесской действительности И. Мележ решил важную для советского художника проблему — раскрытие специфических особенностей народа в общесоциалистическом преобразовании жизни.

В объективе писательского глаза оказалась деревня Курени и ее люди. Стоит эта деревня одиноким островком среди бесконечных болот и топей, месяцами отрезанная от внешнего мира. Много дней в году «люди жили как на плоту, который злая непогода оторвала от берега и унесла в море,— надо было ждать, когда попутный ветер пригонит его к земле».

Но подул свежий ветер Октября, и многовековая борьба с нищетой, с природой, стремление жить полюдски приобретают в этих условиях особый смысл.

Неодолимость нового, желание вырваться из нужды приводят куреневцев к необходимости трудиться сообща. Не сразу это делается, а постепенно, и тут уже успех дела обеспечивают те, кто проникся ленинской мыслью о кооперировании деревни, кто возглавил этот сложный революционный процесс. Таковы в дилогии Миканор и Апейка.

После демобилизации из Красной Армии Миканор становится признанным вожаком куреневцев. Личным примером увлекает он крестьян. Великолепно описаны эти сцены в романе «Дыхание грозы». Вот уже пришло время обобществлять постройки. Но люди выжидают, чего-то боятся, собрались возле гумна Миканора. А он вышел из дома, увидел эту толпу, и ему стало смешно. «Вот жить стало: куда ни пойдешь — всюду толпа,— подумал про себя. — Если б деньги брать за смотренье, так разбогатеть можно было б!..» Взял лестницу, приставил ее к гумну и быстро взобрался на крышу.

«— Береги-итесь! — Миканор отвязал, рванул березовую решетину. Она не сразу поддалась, будто вросла в крышу,— он рванул сильней, оторвал, стараясь не терять равновесия, вцепившись другой рукой в крышу, толкнул изо всей силы. Решетина непослушно качнулась и сломалась в Миканоровой руке; перевернулась раза два, сдвинулась чуть наискось и легла на краю крыши».

Вот и разорвана пуповина, соединявшая крестьянина со своим гумном, землей, укладом жизни. Дальше — легче!

Дилогия Ивана Мележа — подлинно художественная эпопея революционного преобразования и духовной жизни народа. Писатель-коммунист, боец переднего края, видный общественный деятель, депутат Верховного Совета Белорусской ССР, крупный мастер художественного слова — таким встречает свое пятидесятилетие Иван Павлович Мележ.

«Никогда не летела жизнь с такой скоростью, как теперь,— пишет в книге «Пятьдесят четыре дороги» И. Мележ,— и литературе, видно, суждено быть в вечном долгу перед ними, перед людьми. Что ж, в конце концов этот долг пускай не страшит нас: будем тешить себя тем, что пока он есть, этот долг, у каждого из нас будет впереди желанная верста, новые и новые версты, которые будут нас звать и звать вперед. Буду стараться идти этой дорогой не ветрогоном, а тружеником, с доброй, полной ношей, со своим задушевным словом, — работать серьезно, честно».

Михаил ГОРБАЧЕВ

Одна из его публицистических книг называется «Донбасс, земля героев». Это крылатое выражение прочно вошло в шахтерский быт. Сегодня его можно услышать в разговоре горняков, увидеть на транспаранте.

Но публицистика — лишь одна грань самобытного таланта А. В. Ионова. Он ревностный собиратель и хранитель устнопоэтического шахтерского творчества. Собранные им по крупицам, систематизированные и изданные отдельной книгой «Песни и сказы Донбасса» теперь изучаются в высших учебных заведениях нашей страны. Это наиболее полное собрание горняцкого фольклора с семидесятых годов прошлого столетия до наших дней.

А. Ионов — знаток шахтерской души. Сам в прошлом горняк, он создал десятки книг о людях донецкой земли. Такие его произведения, как «Полюшка», «Трубачи», «Песня о коногоне», «Смолянка», «Горючие слезы», «Салодавка», «Наследство Лукина», «Свет шахтера», являются яркими страницами художественной летописи рабочего края.

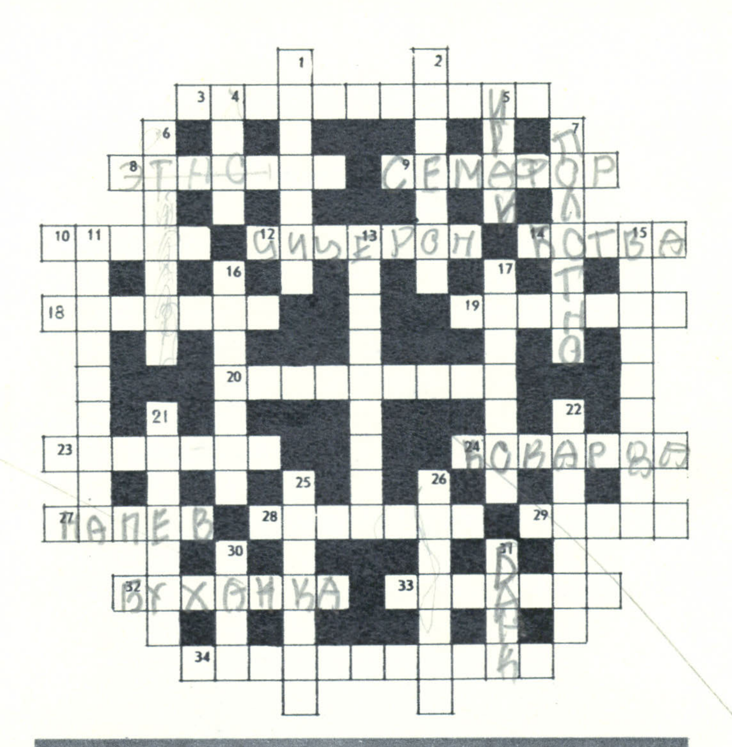
На память приходят популярные на Украине сборники юмористических рассказов нашего земляка «Музыкальный ящик», «На воронах», «Домик над Еланью», «Веселый двор», которые направлены против всего, что мешает советским людям жить и трудиться.

Новые черты в образе В. И. Ленина открывают рассказы «Ходоки», «День завтрашний придет!», написанные с душевным тактом и глубокой любовью.

Около тридцати книг шахтерского бытописателя вышли в издательствах Донецка, Киева и Москвы. В канун своего шестидесятилетия он выпустил сборники рассказов «Жизнь без прикрас», «Тревоги о человеке» и «Поет душа шахтерская». Они свидетельствуют о том, что и сегодня писатель полон энергии, творческих замыслов.

Бывший шахтер и красноармеец, корреспондент «Правды» и «Литературной газеты», обаятельнейший человек, принципиальный коммунист, А. Ионов всю жизнь посвятил людям, добывающим тепло и свет. Этим добрым светом наполнены и его талантливые, глубоко человечные книги.

Владимир ДЕМИДОВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Искусство танца. 8. Специалист, изучающий язык, литературу. 9. Сигнальное устройство. 10. Остроконечный стержень, венчающий здание. 12. Римский поэт. 14. Стебли корнеплодов. 18. Административный центр воеводства в Польше. 19. Голландский философ XVII века. 20. Телескоп для фотографирования небесных светил. 23. Действующее лицо оперы Дж. Верди «Аида». 24. Значок на форменном головном уборе. 27. Мелодия, мотив. 28. Персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». 29. Немецкий композитор и дирижер. 32. Круглый хлеб. 33. Русский критик, публицист. 34. Птица семейства утиных.

По вертикали: 1. Рассказ М. Горького. 2. Цветок. 4. Басня И. А. Крылова. 5. Государство в Азии. 6. Денежная единица ряда стран. 7. Льняная ткань. 11. План деятельности, работ. 13. Созвездие северного полушария неба. 15. Поэма А. Блока. 16. Озеро в США и Канаде. 17. Заключительная торжественная сцена спектакля. 21. Краткое изложение научной работы. 22. Длинный балкон вдоль здания. 25. Областной центр в РСФСР. 26. Участок суши или моря, оборудованный для учебных стрельб. 30. Зимняя повозка. 31. Кредитно-финансовое учреждение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали: 4. Афанасьев. 5. Тектоника. 8. Тербий. 9. Форинт. 14. Клест. 15. Каратал. 17. Орион. 18. Каракуль. 19. Аттестат. 20. Бином. 21. Скрипка. 24. Бочка. 27. Африка. 28. Король. 30. Скарлатти. 31. Нахлебник.

По вертикали: 1. Пантера. 2. Манок. 3. Авиация. 6. Книга. 7. Ижора. 8. Тускарора. 10. Тирасполь. 11. Алфавит. 12. Вазелин. 13. Ромашка. 15. Колас. 16. Литва. 22. «Кукла». 23. Клодт. 25. Трясина. 26. Коринка. 29. Аллея.

На первой странице обложки: Президент Академии наук СССР, дважды Герой Социалистического Труда, академик Мстислав Всеволодович Келдыш.

Фото Г. Копосова.

На последней странице обложки: Вечереет...

Фото Б. Кузьмина.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. И. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 19/I-71 г. А 00509. Подп. к печ. 2/II-71 г.
Формат бумаги 70 × 108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Изд. № 210. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 160.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Так «болели» ленинградцы.

Весь пьедестал почета — наш.

...Так волновались за своих голландцы.

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

Мастерство и воля — вот главные слагаемые этой большой и славной победы. Тому мы все были свидетелями. Вряд ли можно вспомнить в истории крупнейших чемпионатов по конькам, чтобы дождь и ветер бушевали над ледяной дорожкой. Спортсменкам было очень трудно.

Следует подумать еще о моральном факторе: семь лет нашим девушкам не удавалось повторить успех Лидии Скобликовой, Инги Артамоновой и Тамары Рыловой — занять весь пьедестал почета. Высокие скорости, как раз накануне ленинградского чемпионата, показали голландские конькобежки во главе с чемпионкой мира Кэйлен-Деелстрой, словно предостерегая: бороться будем до конца за каждый метр, за каждую долю секунды.

Нам, зрителям, многое запомнилось. Стоит до сих пор перед глазами яркий, полный мужества эпизод, когда юная ленинградка Капитолина Серегина уверенно обходила на долгой дистанции 3 000 метров сильнейшую спортсменку Голландии Атье Кэйлен-Деелстру. В этом трудном беге и в этой волевой победе молодой советской спортсменки было, бесспорно, нечто символическое, что заставило всех на стадионе долго и горячо аплодировать.

Итак — полная победа в чемпионате Европы:

абсолютный чемпион — студентка из Ленинграда, заслуженный мастер спорта Нина Статкевич;

серебряный призер чемпионата Европы — инженер из Москвы, заслуженный мастер спорта Людмила Титова;

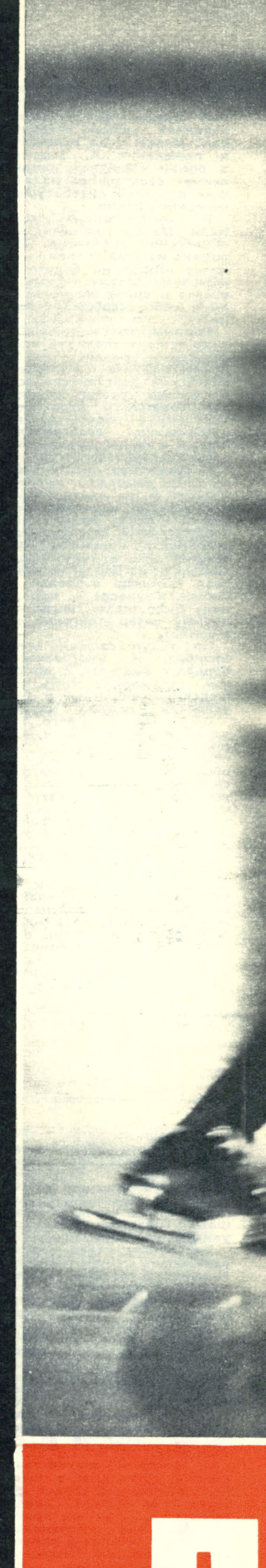
обладательница бронзовой медали чемпионата Европы — ленинградская студентка, мастер спорта международного класса Капитолина Серегина.

Мы горячо поздравляем наших замечательных спортсменок.

Впереди — чемпионат мира. И трудная борьба.

Пусть же снова придет победа!

М. КВАРЦЕВ

На дистанции — Нина Статкевич.

О Б Е Д А !

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.